

КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

Агния Барто

ДНЕВНИК НАТАШИ ИВАНОВОЙ

#эксмогешство

Алла Борисовна

ДЛЕЗНИН
НАТАЛИИ
ИВАНОВИ

Агния Барто

ДНЕВНИК НАТАШИ ИВАНОВОЙ

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Барто, Агния Львовна.

Б26 **Дневник Наташи Ивановой / Агния Барто. — Москва :**
Эксмо, 2017. — 80 с. : ил. — (Книги — мои друзья).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82484-7 (оф. 1)
ISBN 978-5-699-74256-1 (оф. 2)

© Щегляева Т. А., текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

14 декабря 1941 года

Сегодня утром я перекладывала вещи в чемодане, и вдруг нашёлся мой дневник. Я думала, что он остался в Москве, вместе со всеми моими книгами. Обрадовалась ему. В нём описана вся моя московская жизнь.

Прочитала свой дневник и очень удивилась. Мне кажется теперь, что совсем не я его писала, а какая-то другая девочка, мало похожая на меня. Неужели я была такой маленькой в прошлом году? Я описывала, на скольких ёлках я была, как мы ходили на каток, какие к нам приезжали артисты.

Теперь я опять решила вести дневник, у меня здесь совсем нет друзей.

Уже две недели, как мы в Свердловске. Живём здесь с мамой и с Мариной. Тут по вечерам светло, город не затемнён. В Москве мы совсем отвыкли от огня на улицах. Когда наш эшелон подошёл к первой освещённой станции, Маринка сказала громко и сердито:

— Вот их сейчас оштрафуют за то, что у них свет горит.

Я поступила в здешнюю школу, в седьмой класс. Волновалась, когда шла в новую школу, думала, как-то меня встретят, но ребята здесь слишком замкнутые,

они почти не обратили на меня внимания. Я спросила у одной из девочек:

— У вас была воздушная тревога?

— Была, учебная, — ответила она безразлично.

Здесьние девочки ничего не испытали, и потом, они довольно сдержанные. Может быть, это происходит оттого, что здесь очень холодно? Я что-то учила по географии о влиянии холодного климата на человеческую личность.

В классе много приезжих ребят. Володя Сухаревский из Ленинграда, Чернов из Смоленска, Науменко с Украины. Они, наверно, видели не меньше, чем я, и тоже не одну ночь просидели в убежище. Но они все отчуждённо держатся, как будто хотят доказать, что временно учатся в этой школе. Только один Юра Волков со мной приветливо заговорил — спросил, записалась ли я в библиотеку, и посоветовал ходить в читальню Дома Красной Армии. Он москвич и, по моему, самый развитый в классе.

Учителя мне тоже не очень-то по душе. Только физик, Николай Семёнович, сумел всех заинтересовать, я даже не думала, что физику можно так убеждённо объяснять.

В прошлом году, в лагере, мы с ребятами придумали игру. Все садятся в круг, а один из ребят водит. Ему говорят: тут перед вами знакомые лица, скажите, с кем вы хотите подружиться? И он должен ответить, с кем бы он хотел дружить.

Мне бы хотелось дружить с Волковым. Правда, он довольно уверенно держится, но я не считаю, что это плохо. Зато он очень развитой, хотя немножко ехидный. Мне кажется, с ним интересно дружить. Вообще найти друга, который тебя во всём понимает, очень трудно.

Ещё мне нравится Вера Звягинцева, но у неё и так много подруг. Они все вместе ходят домой после уроков. Я видела её отца — майора Звягинцева. Он приходил вчера за Верой, они куда-то вместе ушли. Мама тоже согласна со мной, что дружба играет большую роль в жизни человека.

17 декабря

Хотя я сижу с Лерой Кондратьевой за одной партой, но, оказывается, я её совсем не знала. Я считала её вялой и равнодушной. Спросишь её о чём-нибудь, отвечает «да» или «нет», как будто слова жалеет. А тут вдруг такая история. Наша Марина теперь ходит одна во двор. Ей пять лет, но приходится пускать её одну: мама с утра на работе, у меня масса дел. А Маринке надо дышать воздухом. Она сначала не хотела гулять. Но вот уже три дня, как у неё появилась во дворе подружка Верочка. У Верочки есть санки, и девочки вместе катаются. Теперь Марина приходит домой весёлая, с красными щеками и всё рассказывает про свою подругу Верочку.

Третьего дня я быстро закончила свои домашние дела и вышла во двор. И вдруг я вижу, что Марину катает на санках Лера Кондратьева. Оказывается, Марина вместо Лерочки зовёт её Верочкой. Я так удивилась, даже растерялась. Но потом мы разговорились. У Леры есть бабушка, и поэтому Лера почти не занимается хозяйством. Она с удовольствием возится с Мариной, она совсем не равнодушная, только скрытная. Вчера, в выходной день, она пришла к нам с самого утра. Какие хорошие сказки она знает!

А потом Маринка стала свои сказки рассказывать. Её сказка такая:

— Жила-была физика...

Марина от меня слышала это слово, и оно почему-то ей очень понравилось.

— Жила-была физика, и она была очень злая, и пришёл братец Иванушка и её съел.

20 декабря

В нашем классе очень давно не выходила стенгазета. Юра Волков вдруг обратил на это внимание и поднял редколлегию на смех. Главный редактор Игорь Чернов стал доказывать, что в нашем классе выпускать газету невозможно. Никто не даёт материала. В общем, из-за этого на перемене поднялся спор. Юра Волков остался при своём мнении, и мне это очень понравилось.

Вчера приходим мы утром в класс и вдруг видим — на стене висит новенькая газета «За боевую учёбу» № 1.

Все очень удивились. В газете и передовая об учёбе в дни войны, и три статьи, и очень злая карикатура на фашистских школьников. Игорь Чернов вошёл в класс, его встретили бурными аплодисментами.

— Молодец, Егор! Выпустил стенгаз в такой короткий срок!

Игорь долговязый, и уши у него торчат, он симпатичный, но смешной, совсем растерялся вдруг.

— Я тут ни при чём, — сказал Игорь неуверенно. — Я её первый раз вижу, эту газету. Откуда она взялась?

Мы все смотрим друг на друга, ничего не понимаем.

Вдруг Юра Волков, он в это время читал книгу, сказал как будто между делом:

— Я выпустил газету. Я один, в единственном числе. Чтобы доказать вам, что можно обойтись без всякой волюнки.

Какой Юра молодец! Он, наверно, всю ночь сидел, сам всё написал, нарисовал. Мне очень нравится его поступок, по крайней мере, он свои слова доказал на деле. Но Лера, кажется, другого мнения. Она что-то отмалчивается. По-моему, она несправедлива к Волкову.

20 декабря, вечером

Лера всё-таки сухарь какой-то. Я нарочно сейчас звонила ей по телефону из автомата. Спрашиваю её:

— Неужели ты не одобряешь Волкова? Ведь он принципиально поступил, очень принципиально, по-моему.

А Лерка полчаса молчала в трубку, а потом говорит:

— Не нравится мне этот Юра.

— Но почему, почему? — спрашиваю я.

Она молчит. Меня торопят, стучат в дверь телефонной будки, а Лера там еле-еле дышит.

Я бросила трубку и ушла, только гривенник зря пропал. Мы с моей московской подружкой Варей Осокиной в пять минут обо всём на свете могли поговорить, а с Лерой — прямо горе.

21 декабря

История со стенгазетами продолжается. Сегодня утром в классе оказалось уже целых три стенгазеты. Кроме Юриной появилось ещё две. Одна называется «Опровержение № 1», её выпустил Игорь Чернов, а другую выпустил маленький Коля в компании с двумя девочками. Их газета называется «Быстрота и натиск».

Игорь в своём «Опровержении» нападает на Юру; он пишет, что Юрина передовая статья никуда не годится, написана наспех и что таких статей он мог сколько угодно сам написать, но не желал срамиться.

А Коля с девочками одобряют Юру за быстроту и натиск. Они предлагают всегда так быстро работать. Их газета очень смешная. Статейки все коротенькие, а рисовать им некогда было, и они ни с того ни с сего портрет писателя Мамина-Сибиряка на газету наклеили.

Этот Коля маленького роста, но старается быть солидным и, когда встаёт с места, незаметно за партой поднимается на цыпочки.

В класс вошла Анна Васильевна, учительница истории, она теперь наша классная руководительница.

Она хотя и близорукая, но всё заметила.

— Целых три газеты! — сказала она. — Выставка какая-то?!

Мы обиделись. То есть, по крайней мере, я обиделась, не знаю, как другие.

— Ничего не понимаю! — повторила Анна Васильевна. — Что же, у вас три редколлегии? И почему все три газеты такие торопливые? И при чём тут писатель Мамин-Сибиряк?

Тогда встал Володя Сухаревский и рассказал всё, как было.

Анна Васильевна улыбнулась.

— Молодой пыл — это, конечно, хорошо, — сказала она, оглядывая нас через очки. — Но стенгазету надо выпускать одну и не наспех. Тем более что темы у нас сейчас глубокие и серьёзные.

— Верно, — вдруг громко сказала моя молчаливая Лера.

Сейчас уже поздно, и мама настроена очень решительно, она требует, чтобы я кончала писать. Надо экономить свет. Но я ещё не записала самого главного — нашего разговора с Лерой. Она говорит, что Волков эгоист, что он хотел доказать классу не то, что можно быстро издать газету, а что он один может заменить всю редколлегию. По-моему, она не права.

27 декабря

Мама в последнее время озабоченная, не похожая на себя. Неохота писать про мелкие домашние темы, когда у людей столько тяжёлых лишений, но сейчас мне до того досадно, что всё напишу. Потом можно вырвать эту страницу. Я понимаю — от папы нет писем, у мамы на работе сорвался субботник, за который она отвечает, Маринкины валенки никто не берётся подшивать, — я всё понимаю, маме трудно, но я ведь тоже устаю в школе. И заботы о Марине почти целиком на мне. Сегодня я больше двух часов простояла в детской столовой за Маринкиным обедом, и, несмотря на полную неразбериху вокруг, я в уме всё время к химии готовилась.

Правда, комендант предупреждал ещё утром, что воду закроют, но я не успела достаточно запастись. Нужно было на сбор дружины спешить, это тоже, по-моему, важно. В общем, из-за этой воды получился сложный, непримиримый конфликт. Я стараюсь шутить, но мне неприятно, пришлось несправедливые упрёки выслушивать насчёт моего мнимого легкомыслия и нежелания помочь семье.

Зря я, конечно, наговорила маме лишних слов, но по смыслу я была права. Одно досадно: я решила встать утром пораньше и как можно больше воды наносить, хоть десять раз подняться с ведром на наш пятый этаж, но утром, когда я проснулась, вода уже пошла.

29 декабря

Сегодня Волкова спрашивали по истории. Он получил «отлично». Анна Васильевна почти никогда не ставит отличных отметок. Я сначала думала, что она ко мне придирается, оказывается, у неё такой принцип — «отлично» ставить только в крайнем случае.

Волков говорил о Германии тринадцатого века. Он подробно обрисовывал, как немцы захватили земли полабских и поморских славян. Он замечательно рассказывал про вооружение древних славян и про их военную тактику. Я раньше никогда этим не интересовалась, но теперь решила прочесть.

— Теперь ты согласна, что у Волкова передовой ум? — спросила я у Леры.

— Да, он умный, — ответила она неохотно и усмехнулась.

Не понимаю, за что она сердится на него?

2 января 1942 года

У нас большая радость. Мы получили письмо от папы, целых два месяца не было от него писем, а вдруг — письмо. Его переслали из Москвы на адрес учреждения, где работает мама. Подумать только, что этот листок был на фронте, папа держал его в руках и в ту минуту думал о нас!

Марина сразу заучила всё письмо наизусть. У неё вообще удивительно хорошая память. Мне папа пишет: «Наташенька, как ты живёшь? Помогает ли маме?» Он просит кланяться моему звену, он не знает, что мы не в Москве.

Я написала папе длинное-предлинное письмо. Марина нарисовала картинку — домик в три окна с трубой и кудрявым дымом, цветы величиной с огромное дерево, длинный забор. Она всегда так рисует. Но мама заметила, что на крыше домика Марина пририсовала красный крест.

— Тут теперь госпиталь, — сказала Марина.

3 января

Оказывается, Лера пишет стихи. Никогда бы не поверила. Расскажу всё по порядку. В понедельник, когда я вынимала дома учебники из сумки, я вместо своей общей тетради обнаружила чьи-то стихи. Я узнала Лерин почерк, мы в школе тетрадки перепутали. Стихи мне очень понравились, и не потому, что она моя подруга, а правда хорошо написано. Мы посылки отправляли на фронт, и Лера написала:

БОЙЦУ

Враг напал на страну,
Все ушли на войну,
Боевые надели шинели...
И у наших ребят
Стал суровее взгляд,
Сразу выросли мы, повзрослели...
Враг напал на страну,
Все ушли на войну,
Сильным гневом полны мы и местью.
Уезжает на бой
Лучший друг молодой,
Так и хочется ехать с ним вместе.

В край суровый такой
Для тебя, дорогой,
Я посылку на фронт посылаю,
Я письмо напишу
И в неё положу,
А кому попадёт, я не знаю.

Вот так моя молчаливая Лера! Она, оказывается, поэт. Если бы я писала стихи, я бы не стала скрывать. Меня спросили бы: правда, что ты сочиняешь стихи? И я бы отвечала: да, сочиняю, хотите прочту? В тетрадке оказалось одно стихотворение про меня:

Ты так порывиста, Наташа,
Несправедлива иногда,
Но я хочу, чтоб дружба наша
Всё крепла, крепла навсегда.

Насчёт несправедливости я не согласна. И совсем я не порывистая, наоборот, я очень рассудительный,

спокойный человек. Я взяла тетрадку и побежала к Лере.

— Ты собираешься стать поэтом? — спросила я.

Лера как-то неопределённо хмыкнула и положила тетрадку в стол.

— Это и не стихи совсем, а просто так... — сказала она мне.

6 января

Я чуть не поссорилась навсегда с Лерой. Всё вышло из-за стихов. Вот никогда не думала, что из-за стихов могут быть неприятности. Расскажу всё по порядку. Когда я шла в школу вчера, я встретила Колю. Он спросил, нет ли у меня материала для стенгазеты — у нас уже третий номер выходит. Коля активный член редколлегии. Я прочла ему Лерины стихи, я их запомнила, мы решили сделать Лере приятное и неожиданно для неё поместить стихи в газету. Коля мне в благодарность так крепко руку пожал, что я чуть не вскрикнула. Он всегда так крепко руку жмёт, чтоб доказать, что он силен.

И вот сегодня вышла стенгазета, на третьей полоске помещены Лерины стихи, внизу подпись: Лера Кондратьева, и две звёздочки по бокам, наверно, Коля постарался.

Когда Лера увидела свои стихи в газете, она вместо того, чтобы обрадоваться, ужасно рассердилась:

— Кто тебя просил моими стихами распоряжаться? Я для себя писала.

Ребята прочли стенгазету и стали выражать Лере своё одобрение. Юра Волков сказал:

— Оказывается, ты стишата пишешь? Ну что ж, давай пиши...

Вдруг Лера говорит:

— Это совсем не мои «стишата», это Наташины. От неё ты этого ожидал?

Тут Новиков начал паясничать по обыкновению. Он крикнул на весь класс:

— Смотрите и удивляйтесь, Наташа Иванова, юное дарование!

— Ничего подобного! — возмутилась я. — Это Лерины стихи, я ни одной рифмы подобрать не могу.

Они не верят и все меня поздравляют. Коля мне опять со всех сил руку жмёт. Лера сидит очень довольная, как будто её ничего не касается. Я прошу — ну, скажи, что это твои стихи.

— Нет, это твои, — говорит она и смеётся.

Вдруг во время перемены подходит ко мне начальник пионерской дружины Митя Карпенко, он приехал с Украины, очень хороший парень. С первого дня сумел себя поставить, а у наших ребят не так-то легко заслужить уважение.

— Вот что, Иванова, — говорит он, — надо выпустить стенгазету, посвящённую санитарному вопросу. В коридоре у нас грязь, в классы продолжают ходить в шапках. Ты понимаешь, насколько сейчас нужно бороться с этим. Мы поручаем тебе написать срочно лозунги в стихах. Постарайся погорячей, чтоб здорово вышло!

Я так и ахнула:

— Это ошибка, я не умею писать стихи, это моя подруга Лера Кондратьева, а я тут ни при чём.

Карпенко смотрит на меня недоверчиво. Я бросилась за Лерой.

— Будь человеком, признайся, что ты пишешь стихи. Пионерская дружина требует с меня санитарных лозунгов, а я же не умею.

Лера слушает меня и хитро улыбается.

— Лозунги писать трудно, — говорит она лукаво, — но можно попробовать.

— Кто будет пробовать? Ты или я? — кричу я в ужасе.

Приходим к Мите Карпенко, он смотрит на нас недовольно:

— Ну, выяснили, кто из вас поэт?

— Она из скромности отказывается, — говорю я, — она не считает себя поэтом.

Наконец Лера сжалилась надо мной:

— Какие лозунги надо писать?

— Ну вот, видите, — не выдержала я, — вот она признаётся, что стихи сочиняет.

— Вот и прекрасно, — говорит Карпенко, — значит, она и напишет лозунги.

7 января

Я была в кино. Показывали воздушный бой, тяжёлые танки, идущие в контратаку, ленинградский детский дом «Малютка». Маленький худой мальчик играет с тряпичным зайцем и улыбается, а мы слышим слова: «Мать его убита во время артиллерийского обстрела города». У меня в ушах до сих пор стоит вой снарядов, залпы орудий. Когда я вышла на улицу, мне захотелось ощупать себя — жива ли я. Мне казалось, что я тоже была там, на фронте.

Во время сеанса я познакомилась с Нюрой Глушковой и теперь всё время думаю о ней. Когда

показывали токарный цех оборонного завода, моя соседка, тоненькая, с двумя длинными косами, в серой пушистой шапке, вдруг оживилась: «Станки, такие, как у нас», — сказала она обрадованно. Мы потом разговорились и вместе пошли домой.

Нюра только на год старше меня, но она совсем взрослая. Она работает токарем на оборонном заводе. Ей поручена трудная операция. Прямо с её станка деталь идёт на сборку, а потом на фронт. Нюра двухсотница, и её выбрали комсомольским организатором. Одно мне не понравилось — Нюра Глушкова считает школьников ребятами, даже семиклассников. Она меня спросила: «А ты хорошо учишься?» И похвалила, как маленькую: «Ну, умница!»

Я ей сказала, что мы организовали боевую пионерскую дружину, что мы ходим в госпиталь, что у нас есть тимуровцы. О тимуровцах у неё тоже снисходительное мнение. К ней в квартиру, к соседям, приходили тимуровцы, обещали за детьми смотреть и ничего не исполнили.

Нюра, конечно, большую пользу приносит, и я ей в этом завидую. Но почему она думает, что мы все малыши? Я хочу познакомить её с Лерой и с Волковым. Пусть она увидит, какие у нас серьёзные ребята в седьмом классе. Обязательно уговорю Леру. Я нарочно Глушкову до дому проводила, до самой двери, чтобы узнать её адрес. Улица Вайнера, дом № 53, кв. 14.

14 января

Когда я сказала, что познакомилась с девочкой-токарем, Лера очень заинтересовалась.

Завтра мы пойдём к Глушковой, я уверена, что Лера произведёт на неё хорошее впечатление. Волкова я не решилась позвать, Лера продолжает к нему неодобрительно относиться.

16 января

Я никак не ожидала от Леры такого упрямства. До сих пор не могу ничего понять. Мы пошли к Глушковой, и всё было хорошо. Но когда мы дошли до Нюрино дома, Лера остановилась.

— Это разве здесь? — спросила она удивлённо.

— Да, здесь, — сказала я, — третий этаж, четырнадцатая квартира.

— Я туда не пойду, — решительно заявила Лера.

— Почему не пойдёшь?

Лера растерялась и ничего не могла мне ответить.

— Мне не нравится этот дом, — вдруг сказала она и сама покраснела от такой нелепости.

Сколько я её ни упрашивала, ни уговаривала, ничего не помогло.

22 января

Вчера было бурное классное собрание. Мы решили усилить взаимопомощь в классе. Мне поручили Лизу Сидорову, у неё опять «плохо» по истории.

Сейчас же после собрания я пошла к Лизе. Она вывихнула ногу и два дня в школе не была. Лиза способная, но даже сейчас, во время войны, беспечная.

Я очень долго не могла найти Лизину квартиру. Дом огромный, три корпуса, и никто не знает, где Сидоровы живут.

Я уж совсем хотела домой уходить, но, на моё счастье, во двор вошла какая-то быстренькая симпатичная на вид старушка. Я на всякий случай у неё спросила:

— Не знаете, в какой квартире Сидоровы живут? Оказалось, что это Лизина бабушка.

— Ты к Лизе? — спросила она меня довольно приветливо.

— Я насчёт истории, — сказала я.

Старушка заволновалась:

— Насчёт какой истории?

Я объяснила — меня прислали помочь Лизе заниматься по истории.

— С ней каждый день история, — сказала старушка. — Она скоро мать свою уморит грубостями, не то что меня.

Я удивилась — о чём речь идёт? Лиза такая скромная, всегда вежливая, чистенькая. Ей и не подходит другой быть, у неё лицо, как у куколки. По красоте она могла бы на первом месте в классе быть. И держится она вполне культурно.

— А ты вот посиди на кухне, послушай, какая у нас культура, — предложила мне старушка.

Мы вступили в заговор: поднялись на третий этаж, старушка открыла дверь своим ключом, я тихо пошла в кухню. Лиза меня не видела: она в кровати лежала, в комнате напротив.

Бабушка открыла дверь из кухни в коридор, а я уселась на табуретку и жду, что будет.

— За уроки опять не принималась, третий день бездельничаешь, — говорит старушка.

— Скоро ты от меня отвяжешься? — раздаётся Лизин голос. — Пристала, как собака.

Я с табуретки вскочила, не поверила собственным ушам. Вот тебе и небесная красота, оказывается, Лиза — тип.

Полчаса подряд она грубила этой несчастной бабке, а я слушала. Хотя, по правде говоря, и бабка тоже достаточно вредная старушка.

— Когда же меня Господь приберёт, избавит от тебя, — фальшивым тоном причитала она.

Тут Лиза такое преподнесла, никто бы из ребят не поверил.

— Ты уже третий год обещаешь умереть, а пока только наш хлеб зря ешь, вчера мои триста грамм съела.

Бабка взвизгнула от негодования, и тут началась такая перебранка, что я в ужасе влетела в комнату: мне показалось, что они сейчас драться начнут, честное слово.

— Ах, вот к тебе гости пришли, барышню проведать, — вредным тоном запела старушка и, подмигивая мне, вышла из комнаты.

Увидев меня, Лиза совершенно растерялась. Я, когда шла к ней, подготовилась рассказать ей о классном собрании и передать слова Анны Васильевны об ответственности школьников перед родиной в военное время. Но тут я сама до того вспылила, что все приготовленные слова у меня выскочили из головы, и всё равно они оказались бы слишком слабыми для Лизы.

— Такие несознательные типы государству не нужны, — сказала я, едва сдерживаясь. — У меня есть знакомая одна, токарь с военного завода. Она стахановка, ей 15 лет, у неё на иждивении пять человек, а ты что из себя представляешь?

Насчёт пяти человек — это я в пылу заявила, я совсем не знаю, есть ли у Нюры Глушковой кто-нибудь на иждивении.

— Я очень сильно ногу вывихнула, — стала оправдываться Лиза и вдруг со слезами стала жаловаться на бабушку.

Старушка с неприятным характером, в этом Лизе вполне можно поверить, но такую распушенность в доме разводить — это и в мирное время недопустимое дело. В общем, мы договорились — я ребятам про Лизину грубость не скажу, она без коллективной помощи сама постарается измениться.

Когда бабушка вернулась в комнату, она была очень удивлена — мы с Лизой миролюбиво занимались историей.

25 января

В воскресенье мы с Волковым идём к Нюре Глушковой. Он сразу согласился. Теперь мне это особенно приятно. Во-первых, потому, что Нюра увидит, какой он умный, как он здорово разбирается в военных вопросах, а во-вторых, из-за Леры. Она так и не захотела объяснить мне своего поступка. Меня это сильно возмущает.

28 января

Я окончательно утвердилась в своём мнении — Волков очень ценный человек. Его предложение насчёт Новикова оказалось вполне правильным. Я ещё не писала об этом.

Петю Новикова ребята не любят. Он притворяется ребёночком и учителям глупые вопросы задаёт. Он недавно спросил Николая Семёновича:

— А на каком основании у нас завтра урок алгебры?

Новикову нравится, когда над ним смеются: он нарочно всех потешает, над ним хохочут, а ему это самое лестное. Вид у него неряшливый, ворот на рубашке расстёгнут, волосы сальные. Новикова и к директору вызывали, и с матерью его говорили, а ему это тоже нравится, что о нём столько разговоров. Теперь ребята решили по-другому действовать. Во вторник у нас были назначены выборы санитарной комиссии. Сейчас это важный вопрос. Многие ребята живут тесно, в тяжёлых условиях, приходится бояться эпидемии. Я хотела, чтобы Леру выбрали. У неё до того всё аккуратно, даже чересчур. Она всегда с собой иголку с ниткой носит, на всякий случай.

Вдруг Волков предложил выбрать Новикова. Все возмутились — неряху в комиссию выбирать!

Но Юра объяснил: тут простой расчёт — ему неловко будет грязным ходить.

После бурного голосования Новикова всё-таки выбрали членом комиссии. И сегодня он чистым пришёл! И на куртке две пуговицы пришиты. Ребята мне по секрету сказали, что Новиков сначала все пуговицы пришил, а потом подумал, что уж очень будет заметна перемена в нём, и две пуговицы опять оторвал, он их после выходного пришьёт. Вот какой Волков умный, я уверена, что он произведёт на Глушкову хорошее впечатление.

3 февраля

Теперь я окончательно ничего не понимаю. Представить себе не могу, что всё это означает. В воскресенье утром мы отправились с Волковым к Нюре. Сначала он расспрашивал меня про неё, давно ли она на заводе, кто её отец. Я ему откровенно сказала, что толком ничего про Глушкову не знаю. Мне просто стало неприятно, что она считает школьников беспечными. Юра согласился со мной, что это неправильно, мы тоже приносим пользу своей учёбой и своими делами. Наша боевая дружина ещё только приступила к работе, но успеваемость уже повысилась. Потом Юра мне рассказывал, как ребята школу осенью отремонтировали. Он немножко красовался и важничал, как всегда. У него это симпатично получается.

Но как только мы дошли до этого заколдованного дома, где живёт Глушкова, то вся история повторилась. Юра остановился и спросил с удивлением:

— Разве это здесь?

— Да, здесь, в четырнадцатой квартире. А что? — испугалась я.

Юра нахмурился:

— В четырнадцатой квартире... Я туда не пойду.

— Но почему? Почему? — заволновалась я.

— Я там уже был один раз, — сердито сказал Юра.

— У Глушковых?!

— Нет, у других людей, — уклончиво ответил Юра и вдруг вспомнил, что ему нужно сейчас же идти за хлебом. Попрощался со мной и ушёл. Не понимаю, в чём тут дело. Почему они оба не хотят туда идти?

6 февраля

Никак не могу забыть одну женщину из больницы. В тот день я ждала маму в раздевалке. Я поехала с ней и с Мариной, потому что мама особенно мучилась. Доктор велел сделать Маринке рентгеновский снимок лёгких, а маме показалось, что, значит, у Маринки что-то страшное. Мама, в общем, довольно спокойная, но когда дело доходит до детских болезней, всякие ужасы приходят ей в голову.

В раздевалке я обратила внимание на одну женщину. Худая очень, лицо землистое, как после тяжёлой болезни, одета в старенькое осеннее пальто, голова повязана выцветшим клетчатым платком, обувь совсем плохая. Но глаза женщины так светились, как будто счастливее её нет человека на земле.

Она рассказала мне: они приехали из Западной Белоруссии, немцы вошли в деревню, издевались над жителями. Она с пятилетней дочкой ушла ночью в лес, надеялась спрятаться, а потом пробраться к своим. Это было ещё осенью, они ушли без вещей. Шестьдесят вёрст прошли, пешком. Недалеко упал снаряд. Непонятно, как они уцелели. Наконец они добрались до наших окопов. Их накормили, измученных, оборванных, отвели в деревню.

— Стул мне подвинули, — рассказывала женщина, — усадили меня, это мне великой лаской показалось.

Потом женщина попала в эшелон, который увозил беженцев на Урал. Они ехали в переполненной теплушке два месяца. Девочка тяжело заболела, прямо с вокзала её отвезли в больницу. И вот сегодня выписывают, она выздоровела.

Женщина держала в руках детское одеяло, поношенную шубку, совсем хорошую шапочку.

— Всё люди дали, — объяснила она мне.

Вдруг она бросилась вперёд, навстречу палатной сестре. На руках у сестры сидела весёлая, хорошая девочка с бледными щёчками.

— Мама, я здоровая! — закричала она.

Как мать обнимала её, как благодарила доктора, сестру, няню! Все они вышли провожать девочку.

Правда, какие тут замечательные люди!

16 февраля

Удивительно, какие бывают необыкновенные совпадения в жизни. У Нюры Глушковой на самом деле пять человек на иждивении — мать и четыре младших сестры. Я вчера их видела, весь вечер сидела у них. Нюры сначала не было дома. У них небольшая комната, но мне сразу всё понравилось. Был накрыт стол, горела лампа. Восемилетняя Валя топила печурку, младшие девочки играли. Казалось, что в этом доме спокойно и хорошо, что откроется дверь и войдёт отец и тогда все сядут обедать. И вот дверь открылась, и вошла Нюра. Это её ждали, чтобы сесть за стол. Она пришла домой усталая. Верно её мать говорит, что совсем не просто быть отличным токарем в 15 лет. Оказывается, для этого Нюре пришлось отказаться от своей мечты. Ещё маленькой девочкой она решила, что, окончив школу, пойдёт в Уральский горный институт. Их пионерский отряд совершил однажды экскурсию в глубь Урала. Ребята осматривали рудники, спускались в шахту. Нюра видела заброшенные алмазные копи, ночью,

под лунным светом. Отец ей рассказывал по вечерам о богатствах, которые таятся в горах. Нюра мечтала руководить научной экспедицией и сделать какое-нибудь важное открытие, которое принесёт пользу государству. Но когда Нюрин отец ушёл на фронт, Нюра решила поступить на завод и помогать семье. Я всё узнала от её матери.

У Нюры очень длинные косы. Я спросила её:

— А коса не может в станок попасть?

Испугалась, что глупость спрашиваю. Нет, ничего. Нюра ответила, что она косы закладывает вокруг головы.

Нюра принесла домой номер газеты «Уральский рабочий» и важно объявила:

— На моё имя газету выписали — комсомольскому организатору.

Вообще Нюру дома уважают, это сразу видно. Когда мать не могла справиться с расшалившейся младшей девочкой, она сказала: «Постой, вот я сейчас Нюре расскажу, что ты сегодня выделываешь». Моя мама в таких случаях говорила Маринке: «Постой, я всё папе скажу».

Теперь мне особенно досадно, что Лера и Волков не хотят пойти к Глушковой. Не могу понять — почему. Чем больше думаю об этом, тем больше удивляюсь. Я спросила у Нюры, знает ли она Леру Кондратьеву или Юру Волкова. Нет, не знает.

— Я тоже собираюсь поступить на завод, — неожиданно сказала я. Совсем я не думала об этом, а для чего-то наврала.

2 марта

В классе дела хорошие. Дисциплина стала лучше. Только вот у меня неприятности с Юрой Волковым. Это длинная история, надо всё по порядку описывать.

В конце февраля Юра заболел. У него какая-то зловредная ангина была, с последствиями. Пришёл в школу похудевший, длинный. Вдруг Анна Васильевна говорит мне: у Волкова нет учебника, помоги ему по литературе.

Я немножко побаивалась, пожелает ли Волков, чтобы я ему помогала. Но он не стал возражать. Мы сговорились, что он придёт ко мне утром, в выходной.

Мама сказала, что мы можем сколько угодно заниматься, она будет шить. Марину я отправила на улицу. Всё устраивалось хорошо. Мама спросила приветливо:

— Это и есть Волков?

А Юра ей в ответ:

— Факт, он самый, Волков.

Я вынула из своего ящика учебник по литературе.

— Начинается обучение младенцев? — спросил Юра своим обычным, слегка ехидным тоном.

Я сразу заметила по выражению маминого лица, что ей не нравится, как Юра держится.

Мы начали заниматься. Я предложила сначала повторить народное творчество и построение народных произведений. Юра слушал и чертил что-то карандашом на листочке. Вдруг у него карандаш сломался.

— Ничего, — говорит Юра, — у меня имеется ещё не одна такая штуковина, я вчера в сумку три карандаша напхал.

Тут мама перестала шить, повернулась в нашу сторону и вдруг спрашивает:

— Разве есть такой глагол «напхать»?

Юра усмехнулся:

— Есть, в моём лексиконе имеется.

— Напрасно, — отвечает мама.

Я ей знаки делаю, глазами моргаю, чтобы она перестала. Юра ведь знает, как надо правильно говорить, он очень развитой, много читает, это он просто так, для важности, такие словечки вставляет. Наконец мама заметила моё волнение и кивнула мне. Я успокоилась.

А Юра, как нарочно, сыплет словечками:

— Ага! Факт! Есть такое дельцо! Мирово!

Я уж нарочно стараюсь сама побольше говорить, чтобы Юра молчал.

Покончив с фольклором, я перешла к Пушкину. Рассказываю о «Послании к Чаадаеву», а он лучше меня всё знает. Я забыла, как называется журнал, в котором Чаадаев напечатал одно из своих «философических писем», а Волков мне напомнил: «Телескоп». Но зато он не знал, где Пушкин впервые увидел Чаадаева...

Всё шло хорошо, но вдруг я, как нарочно, Новикова вспомнила, он мне к слову пришёлся, он в последний раз на уроке довольно хорошо и без кривляния прочёл «Послание к Чаадаеву».

— Новиков — мировой тип, только у него буза из души, — миролюбиво согласился Юра.

Тут мама опять перестала шить и повернулась к нам. У меня сердце замерло. Я опять ей умоляющие знаки делаю глазами и руками. Ничего не помогает.

— Как ты сказал? — переспрашивает мама Юру. — «Мировой тип, только буза из души»? Что же это означает в переводе на русский язык?

— Как что означает? — неохотно отвечает Юра. — Вполне понятно — бузовый парень, но с душой.

Мама рассмеялась, этим бы всё и кончилось. Но вдруг Юра вздумал маме лекцию читать.

— Очень жаль, — сказал он, — что многие ещё не понимают, в какое время мы живём. По-моему, сейчас не имеет значения красота разговорной речи, сейчас война, и не стоит обращать внимания на раз-ные пустяки.

Такое началось — мама страшно рассердилась, шитьё отложила в сторону, встала с места и подошла к нам.

— Верно, сейчас война, — сказала мама. — Мы боремся против варваров, против дикарей, за русскую культуру и в том числе за великий русский язык. А вот Юра Волков изучает Пушкина и в то же время считает, что можно как угодно коверкать русскую речь. В его лексиконе имеется глагол «пхать». Я напхал, ты напхал, он напхал.

Нет, по-моему, это было уж слишком жестоко с маминой стороны. Я прямо не знала, куда мне де-ваться. Юра весь красный сидел, и мне его ужасно жалко стало.

— Всего хорошего, Иванова! — сказал он мне. — Я пошёл. Спасибо. Ты мне здорово помогла.

Юра повернулся и вышел из комнаты. Я за ним в переднюю. И шёпотом говорю ему:

— Моя мама очень вспыльчивая, понимаешь... И культура — это её слабость. Вернись, пожалуйста, ты ведь не маленький, ведь это детская выходка.

С трудом, но я его уговорила всё-таки, и мы опять уселись заниматься. А мама шьёт с беззаботным видом, как будто ничего и не случилось. На самом деле она не очень вспыльчивая, но нужно же мне было как-нибудь спасти положение.

Вдруг ещё одно горе — в комнату вбегает Марина и кричит с порога:

— Юра Волков пришёл? Это он?

Юра удивился:

— Ты меня знаешь?!

— Знаю, — заявляет Маринка. — Лера говорит, что ты эгоист.

Мама засмеялась, а я просто в отчаяние пришла.

Юра, ни слова не говоря, вскочил с места — и за дверь. А он мне ещё не ответил, что такое гипербола и когда применяется в народном творчестве отрицательное сравнение. Я решила так. Всё равно догону его, я должна довести дело до конца. И вот он выходит из наших ворот, а я за ним. И говорю ему:

— Ладно, Волков, потом можешь сколько угодно на меня сердиться, но сейчас ответь мне, пожалуйста, что такое отрицательное сравнение и когда оно употребляется?

— Оставь меня в покое, Иванова, — сердито говорит Юра.

Я стараюсь идти рядом с ним, а он всё время меня обгоняет. Ну и ладно, раз мне поручили его подготовить, я обязана это сделать. Я говорю ему в спину:

— Отрицательное сравнение является обычным для народного творчества художественным приёмом. Например:

Не сырой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются,
Поклоняется сын перед батюшкой.

Вдруг я вижу, прохожие оглядываются. Пришлось повернуть домой.

А дома мама подшучивает:

— Ну и товарищ у тебя, самоуверенный молодой человек.

10 марта

В понедельник я очень волновалась, когда в школу шла. Как Юра будет себя вести и что он расскажет ребятам?

Юра ни слова мне не сказал и даже не поздоровался. Неужели у него правда одна самоуверенность и больше ничего? Мне будет слишком досадно, если Лера окажется права.

20 марта

Сегодня выяснилось, что после испытаний мы поедем работать в колхоз. Только ещё неизвестно, на прополочную или, позднее, на уборочную. Новость вызвала горячее обсуждение в классе. Во время перемен мы стали придумывать друг другу специальности, кто будет трактористом, кто в кузнице будет работать.

Юра Волков молчал, не принимал участия в обсуждении. Он сердился на меня после той истории с мамой.

Вдруг Лера спросила, хитро взглянув на Юру:

— А ты, Волков, верно, будешь издавать стенгазету в колхозе? Это ведь чистая работа, не то что в земле копаться.

Я даже не ожидала от моей Леры такой прыти.

— Может быть, — ответил Юра спокойно. И потом вдруг сказал, обращаясь ко мне: — Мы с На-

ташей в одной бригаде будем, она меня будет умудрять, а то я без неё пропаду.

Я была готова к его насмешкам.

— Факт, — говорю я. — Есть такое дельце, мировая у нас будет бригада, буза из души!

Неужели так всегда бывает — захочешь дружить с человеком, а получается как раз наоборот? Между прочим, ребята говорят, что Волков теперь меньше словечками швыряется, но при мне он раз десять сегодня сказал «мирово».

28 марта

Лера такая хорошая, я теперь её ещё больше люблю. Сегодня она пришла в класс какая-то особенная. Я сразу это заметила. Она сказала мне: «Когда пойдём домой, я расскажу тебе что-то очень важное». Я сначала подумала — может быть, насчёт Нюры Глушковой. Мы шли по улице, денёк был солнечный, почти весенний. Рассказывали про Урал, что тут зима холодная. Я совсем не нахожу, тут часто погода мягкая, безветренная.

Я ждала, когда Лера заговорит. Она сначала шла молча, задумавшись, а потом сказала:

— Знаешь, Наташа, сегодняшний день я запомню на всю жизнь.

— А что случилось? — с нетерпением спрашиваю я.

— Как Мариночка поживает? — вдруг осведомилась Лера, а потом прибавила: — У меня теперь тоже есть четырёхлетний брат, сегодня вечером мама привезёт его, я его ещё не видела.

Лерина мама усыновила мальчика, сироту, его мать убита немцами в подмосковной деревне.

Мальчика привезли сюда в детский дом. Лерина мама как-то пришла с работы и рассказала про этот случай. Лера упросила взять мальчика к ним. Лерина мама боится, что они не справятся — бабушка у них очень старая, но Лера обещала, что она будет всё успевать и смотреть за мальчиком.

— Побежим скорей к вам, — попросила я, — может быть, они уже приехали.

Лера всё приготовила для брата, покрасила свою старую детскую кроватку, свои бывшие игрушки в порядок привела. Мальчика ещё не привезли. Мы с Лерой сидели и гадали — какой он, грустный или весёлый? Понимает ли он, что с ним случилось, или он ещё слишком мал?

Лериного брата зовут Серёжей. Он оказался совсем не таким, как я думала, он очень самостоятельный малыш. У него походка размашистая, как у взрослого.

Он, когда с него сняли пальтишко, внимательно оглядел нас и вдруг спросил у Лериной мамы:

— А где же у вас война?

Мы с Лерой переглянулись.

— Ты тоже моя сестра? — спросил мальчик у меня.

Мы напоили малыша чаем, накормили его, он совсем освоился.

Завтра приведу к нему Маринку, пусть вместе играют.

5 апреля

Раньше, когда мы изучали по истории войны, я совсем не представляла себе, что это такое в действительности. Я вздыхала, перелистывала учеб-

ник — ой, как много задано, ещё надо выучить всю Тридцатилетнюю войну. Теперь мне часто приходит в голову мысль: неужели будущие школьники, наши потомки или предки, я всегда их путаю, тоже будут думать — ой, ещё надо выучить всю осаду Москвы. Поймут ли они, что заключается в этих словах?

20 апреля

Мы усиленно занимаемся, через месяц испытания. Как празднично проходили они в Москве в прошлом году! Тогда мы готовились вместе с моей московской подругой Варей. Где-то она теперь? Варя меня во всём понимала. А Лера замкнутая, я никак не могу к этому привыкнуть.

8 мая

Уже май месяц, а здесь лёд ещё только сошёл. На плотине совсем недавно сняли дощечку с объявлением: «Лёд тонок, ходить опасно». А в Москве теперь, наверно, солнце, Москва-река шумит, бульвары зелёные. Хотя и здесь травка показывается кое-где. На плотине очень много зелени.

Я уже привыкла к городу, он мне не кажется таким чужим... Я даже попросила Леру сочинить от моего имени стихи Уралу.

Как-нибудь так:

Ты, Урал суровый,
Приютил меня,
Большое тебе спасибо...

А дальше я не знаю как. Это уж Лерино дело — подобрать рифму.

15 мая

Вчера с нами маленькое приключение случилось. То есть не приключение, но я не знаю, как это правильнее назвать. Один случай, что ли.

В общем, было так. Мы с Лерой стояли на плотине, уже стемнело, но не хотелось домой идти. Мы смотрели на пруд. Он очень большой, как широкое озеро, а вокруг него по вечерам огоньки в домах, все этажи в воде отражаются. Красиво так... Можно долго смотреть. Лера мне сказала, что она сюда ходит стихи сочинять. А я это место люблю, потому что оно мне отчасти Москву напоминает, там около Каменного моста на Москва-реке такие же огоньки.

— Это место на Москву похоже, — нечаянно сказала я вслух.

— Ну что вы... — вдруг раздался рядом чей-то голос. В темноте мы не заметили, что в двух шагах от нас человек стоит, такой высокий, тихий, вежливый, не молодой уже, но ещё не совсем старик.

— Вы ошибаетесь, — сказал он мне, — это место напоминает Ленинград, Неву, я потому сюда и прихожу, я ленинградец.

Я не стала с ним спорить, только вздохнула.

— А вы тоже москвичка? — спросил высокий человек у Леры, он и к ней обращался на «вы».

Лера ему ответила:

— Нет, я здесь родилась, в Свердловске. Я уральский житель.

Ленинградец помолчал, а потом сказал добродушно:

— Вот приедете когда-нибудь к нам в Ленинград, будете стоять вечером над Невой и вздыхать: ой, как на Свердловск похоже, точь-в-точь такие же огоньки...

Когда мы уходили, я набралась храбрости и пожелала ему скорей в Ленинград вернуться, а он мне в Москву. Он очень хороший, он и Лере понравился.

6 июня

Накануне экзамена по русскому языку и литературе мы с Лерой вечером решили проветрить мозги и пройтись по нашей любимой плотине. Весь день мы занимались, боялись, что у нас в конце концов всё в голове перепутается. Мы уселись на скамейку и решили отдыхать. Но мы никак не могли отвлечься, потому что мимо нас всё время проходили ребята, и по двое, и целыми группами, и все они разговаривали только о литературе. Можно было подумать, что в этом городе все ребята увлекаются только литературой, даже когда гуляют и то рассуждают о былинах, об Евгении Онегине, о Грибоедове. А это потому, что у всех классов испытания по литературе. Сразу можно узнать, кто в каком классе учится: если речь идёт о народном творчестве — значит, наши, семиклассники, если о Печорине говорят или о Чацком — значит, восьмой класс, если что-то совсем трудное и непонятное — значит, девятый.

Вдруг я вижу, что по плотине идёт тёплая компания — мальчишки из нашего класса — Новиков, Коля маленький и с ними Юра Волков. Они тоже, конечно, говорят о литературе, но удивительное

дело — лица у них какие-то странные, и держатся они неестественно.

Юра вдруг заявляет:

— Я, пожалуй, возьму тему «Повесть Фадеева «Разгром».

Совсем у нас нет такой темы, это, кажется, в девятом классе или даже в десятом.

Я сначала испугалась — может, Волков что-нибудь перепутал? Хотела спросить, в чём дело, а Лера дёргает меня за рукав и шепчет мне:

— Подожди, подожди, я догадываюсь...

Я молчу, ничего не понимаю.

Новиков как-то странно смотрит на Юру и говорит нерешительно:

— Что ж, можно, пожалуй, взять тему «Разгром».

Тут я начинаю догадываться — они делают вид, что они в десятом классе. Ну как им не стыдно людям голову морочить?

Коля маленький их всех выдал: он, стараясь говорить басом, заявил, гордо поглядывая вокруг:

— Вообще, у нас в десятом классе испытания трудные, не то что у семиклассников. Я уже подал заявление в военное училище.

Тут я не выдержала и крикнула:

— Десятиклассники, а всё выдумываете!

Они сразу все остановились, а Юра Волков так покраснел, что даже уши у него стали красные.

— Мы шутим, — сказал он хмуро. — Что вы, шуток не понимаете?

— Хороши шутки, — возмутилась Лера, — никогда таких шуток не слышала... Пойдём, Наташа...

И мы повернулись и пошли, чтобы они поняли, что мы их не уважаем.

5 июня

В день испытания я проснулась рано, думала, первой приду, однако ничего подобного. Все волновались, но были подтянутые и бодрые. Не было такой торжественности, как в прошлом году в Москве, тогда мы все с цветами пришли. А теперь уже не до цветов.

Меня вызвали одну из первых, и я была в ударе, хорошо всё отвечала и спокойно. Сама чувствовала, что всё знаю.

Меня спросили «Буревестник» Горького. Мне его отец читал, когда я ещё маленькая была. Это моё любимое произведение. Я возвращалась на своё место, а все ребята мне шептали: «отлично», «отлично».

Когда Волков вышел отвечать, я волновалась. Мы с Лерой за всех ребят переживали. Когда кто-нибудь запинаясь, Лера сидела с видом мученицы, а когда отличники отвечали, она сияла вся. А тут я начала переживать. Юре как раз фольклор достался. Его спросили — какие бывают виды устного творчества. Просили назвать пример отрицательного сравнения. Как раз то самое, о чём я ему толковала после его болезни.

Ему ужасно не хотелось мой пример приводить. Косо взглянув на меня, он сказал всё-таки:

Не сырой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются...

Вдруг после испытания Волков подошёл к нам, ко мне и к Лере, и сказал:

- У меня есть к вам предложение.
- Какое? — удивилась я.

— Давайте организуем триумвират, будем дружить втроём. А нашу вчерашнюю болтовню на плотине забудьте, ладно?

Никогда я не ожидала, чтобы Юра Волков первый предлагал свою дружбу.

Мы с Лерой обе растерялись, стоим и переглядываемся, а Волков ждёт.

— Я согласна, — говорю я.

— А я не знаю, — говорит Лера. — По-моему, о дружбе не договариваются. Она сама приходит.

— Я согласна, — ещё раз повторила я, чтобы загладить Лерину резкость.

— Ну и хорошо, — говорит Волков. — Хочешь, Наташа, пойдём завтра на футбол? У меня три билета есть, но можно и вдвоём пойти.

Я хотя футбола не люблю, но пойду обязательно.

9 июня

На стадион мы шли втроём: Волков, Володя Сухаревский и я. Говорили о Лере. Они оба считают её сухой. В особенности Юра это утверждает:

— Она умная, но сухая, с ней скучно.

Я возмутилась:

— Почему же тогда ты хочешь с ней дружить?

— А я раздумал, — сказал он, усмехнувшись.

Всегда они так говорят друг о друге, с усмешкой и с ехидством. Ничего из триумвирата не выйдет. А мне бы так хотелось, чтобы мы втроём дружили.

Волков был весёлый, метко обо всём рассказывал, и я смеялась всю дорогу. Он показывал, как наша химичка недовольно морщится, когда ребята задают ей вопросы не по программе.

— Мы до этого дойдём, — отвечает она неохотно.

А вот Анна Васильевна всегда на самый сложный вопрос может сейчас же ответить. Волков её тоже за это одобряет.

Когда мы дошли до стадиона, Сухаревский встретил товарища и остался с ним. Мы с Юрой прошли на трибуну, у нас были хорошие места. Перед началом игры я решила и задала Юре вопрос:

— Скажи, почему ты тогда отказался войти в тот дом? Помнишь, когда мы вместе пошли к Глушковой? Юра сделал вид, что забыл.

Но я ему напомнила:

— Я хотела тебя познакомить с Нюрой Глушковой. Она на заводе работает. Ты сначала согласился, а потом не захотел.

— Ты Лере рассказывала об этом, конечно? — вдруг спросил он.

— Да, она тоже не хочет туда идти, в том-то и дело... Волков сильно заинтересовался:

— И она тебе ничего не сказала?

Значит, Волков что-то знает.

— Расскажи мне всё, — попросила я.

— Нет, это неинтересно, — уклонился Волков.

Футбольного матча я почти не видела. Только слышала свистки и шум. Всё время думала — что это за история?

В общем, победила уральская сборная со счётом 6:2.

13 июня

Уже несколько дней мы ходим работать на наш школьный участок, на Чёрную Речку. Сначала пришлось корчевать пеньки, это даже труднее, чем

я думала. Мы большую площадь расчистили, теперь сажаем картошку, лук, огурцы. Все стали огородниками, не только на участках, а и дома тоже.

В нашем доме на всех балконах огороды, в ящиках посеяны редиска и зелёный лук. Мама раздобыла для Маринки небольшой ящик, и Маринка счастлива. Вечером, после работы, все огородники друг с другом советуются, как лучше выращивать овощи.

20 июня

Теперь мне всё понятно. Только странно, как Лера могла так долго от меня это скрывать. Значит, Юра не такой, как я думала. Неужели правда он пустой болтун? Может быть, я слишком быстро составляю мнение о людях, а нужно быть сдержанной, как Лера. Мне всё-таки хотелось бы узнать обо всём от Юры.

20 июня, вечером

Опишу всё подробно. Вчера мы с Лерой шли из школы и встретили Нюру Глушкову. Она сама меня окликнула. Стала нам рассказывать, что у неё дела хорошие. Их цех получил в этом месяце знамя. Она очень внимательно смотрела на Леру.

— По-моему, я тебя знаю, — сказала она. — Ты тимуровка, да? Ты к нашей соседке приходила, к жене красноармейца. Вас двое было, ты с товарищем.

Лера сильно смутилась.

— Да, — сказала она, — но я потом заболела.

В общем, вот что произошло: осенью, когда меня ещё тут не было, Лера и Волков вступили в тимуровский отряд. Они предложили Нюриной соседке, жене красноармейца, присматривать за её ребятами. Юра обещал и окна замазать, и дров наколоть, и ремонт сделать в комнате. Всего наобещал. А потом Лера заболела, а Волков всего один раз пришёл, расколол три полена, а больше не являлся. Получилось, что и Лера обманщица. Теперь я её понимаю. Она вправе сердиться на Волкова.

Глушкова сказала ей:

— Что же вы? Наговорили и не пришли!

Лера не стала оправдываться.

21 июня

Пожалуй, Глушкова права, что считает нас беспечными. Мы говорили с Лерой. Ребята, которые работают на заводе, настоящую пользу приносят. А мы мало сделали. В госпиталь ходили, посылки послали на фронт, а больше ничего полезного.

26 июня

Мы уже второй день в колхозе, но ещё не работаем. Сегодня опять с самого утра ливень. Я решила, пока есть свободное время, описать все последние события.

До Камышлова мы доехали хорошо. В поезде мечтали о том, как мы будем жить в поле, в станах, как наша школа перевыполнит нормы и займёт хорошее место в соревновании. Я смотрела в окно,

ведь я в первый раз на Урале. Ждала, что здесь будут высокие горы, но в этих местах ещё идёт долина, сосновый лес, поля с ромашками, как у нас под Москвой.

— Хотите, ребята, я прочту вам письмо, которое получила с фронта? — спросила вдруг Анна Васильевна.

Она сказала это без особенного значения. Письмо было от Бориса Фоминых, от бывшего ученика нашей школы. Я его видела — высокий худощавый парень с густой шевелюрой. Он ушёл в армию добровольцем, и с ним ещё два десятиклассника, они сразу попали в трудную обстановку, бои долго шли в болотистой местности, пока строили дороги, не могли подходить машины с боеприпасами. Пришлось таскать на себе через воду и грязь 50-килограммовые тяжести.

Фоминых пишет:

«Школу я вспоминаю как такое милое время. По-моему, школа должна больше подготавливать к жизни. Передайте ребятам, если они не хотят обмануть себя, пусть не боятся никаких работ, пусть привыкают сейчас к невзгодам, всё равно в жизни им придётся с ними встретиться. Некоторые ребята слишком надеются на себя и не развивают силу воли. Скажите им — на словах гораздо легче быть героем, чем на деле».

Когда Анна Васильевна прочла последнюю фразу, Лера вдруг посмотрела на Юру Волкова, все ребята повернулись к нему.

— Почему вы на меня смотрите? — возмутился Юра. — Я тут при чём?

— Нет, нет, — успокоила его Анна Васильевна, — ребята случайно на тебя взглянули.

— Нет, я не случайно на него посмотрела, — ответила Лера не очень громко.

Юра вспыхнул и сказал изменившимся голосом:

— Ты не имеешь права. Когда я был героем на словах? Когда я боялся трудностей?

— Были такие случаи, — спокойно настаивала Лера.

Ребята заволновались, задвигались на местах, а у меня чуть сердце не выпрыгнуло. Я поняла, о чём Лера говорит, но зачем при всех? От меня скрывала, а тут при ребятах его обвиняет.

— Ещё неизвестно, кто из нас окажется более стойким, — с вызовом, глядя Лере в глаза, сказал Юра. — Пока у нас не было возможности проверить себя на настоящем деле.

— Вот это верно, — согласилась Анна Васильевна, — теперь у вас будет такая возможность.

И я поняла, что она с умыслом прочитала нам письмо Фоминых.

Вдруг Володя Сухаревский провозгласил на весь вагон:

— Внимание, ребята, в колхозе объявляются дополнительные проверочные испытания для школьников.

— Какие испытания? — испугался Игорь Чернов. Он всё время спал на верхней полке и вдруг проснулся. — Какие испытания? Мы же всё сдали! Разве будут осенние испытания?

— Осенних не будет, будут жизненные, — объяснил ему Сухаревский, но Игорь так ничего и не понял и опять заснул.

В Камышлов мы приехали утром. Председатель райисполкома приветливо встретил нас. Мы пообедали, немного отдохнули и тронулись в путь. Предстояло

пройти около 25 километров. Наши вещи уехали на подводах, а мы зашагали пешком. Лиза Сидорова хотела положить своё пальто на подводу и идти налегке в одной майке, но мы тут же призвали её к порядку. Потом выяснилось, насколько это было правильно.

Дождь начался не сразу, сначала он только покапал, слегка вспрыснул нас. Потом эти вспрыскивания стали повторяться, и в конце концов со страшной силой разразился холодный ливень. Спрятаться было некуда, вокруг поля, никаких строений, ни одного деревца. Под ногами ужасная грязь, как будто здесь никогда не просыхало. Шестьдесят шесть человек под дождём — веселая картинка! Но мы стойко шли вперёд.

— Вспоминайте письмо Фоминых, — кричит Володя Сухаревский своей бригаде.

— Есть вспоминать письмо Фоминых, — отвечает ему Новиков, и путешествие под ливнем продолжается.

Я тоже много раздумывала о письме Фоминых. Не знаю, хорошо ли я подготовлена к трудностям жизни. У нас недавно был разговор с мамой на эту тему. Мама считает, что я очень ребячлива для своих лет. Она написала об этом отцу, а мне это неприятно. Может быть, некоторые мои поступки и кажутся детскими, но на самом деле я достаточно взрослая.

— Как по-твоему, Лера, ребячливая я или нет? — спросила я у Леры. Я была уверена, что она скажет: «Нет, ты, по-моему, серьёзная, я потому с тобой и дружу».

— Ты очень ребячливая, — ответила Лера.

Я, конечно, возмутилась — почему? Объясни сию минуту, почему? В чём это выражается?

Лера сказала, что потом объяснит, уж очень была неподходящая обстановка. Не до разговоров было, мы так измучились, что считали километровые столбы, а к концу пути буквально каждый шаг в счёт шёл. У меня было четыре усталости... Идёшь, идёшь, кажется, что совсем свалишься, потом снова откуда-то берутся силы. Четыре раза я думала, что не дойду, а всё-таки дошла, все шагали понурые, в жалком виде, промокшие насквозь. Я так устала и промокла, что уже не чувствовала груза — мешка за плечами. Никто вслух не ныл, только Лиза Сидорова потихонечку всплакнула, я видела... С Анны Васильевны тоже лило в три ручья, она всё время уговаривала нас: «Не болейте, ребята». Как будто это от нас зависело.

Когда я попала двумя ногами в лужу по колено, мне уже стало всё равно.

В колхоз мы пришли ночью. Стучимся в избы, все спят, нас не пускают, в сельсовете дежурного нет, заперто. А ливень продолжается без всякой передышки. В конце концов Анна Васильевна всё-таки разыскала председателя, и он проводил нас. Он был сонный и отвечал невпопад. Две бригады он развёл по избам, а наша бригада — 15 девочек — устроилась в школе. В станах в такую погоду жить нельзя. Тем ребятам, которые в избах будут жить, лучше, чем нам, там ведь жилой дом, печка есть, а у нас пустые стены. Но зато мы все вместе. Мы надеялись, что наши вещи приехали раньше нас, мечтали переодеться во всё сухое, но, как потом выяснилось, возчик свернул в сторону и остался ночевать в чужой деревне. Только на рассвете пришла лошадь, приехали наши вещи, а часа два или три мы с девочками сидели полуодетые, заочевенные и безрезультатно дрожали.

1 июля

Погода ещё хмурая, но работа идёт полным ходом. Только поёживаемся под ветром. Уже пятый день мы пропалываем капусту. Работаем, низко наклоняясь к земле, кто на корточках, кто на коленях, как кому удобнее. Всё заросло сорняком, выдёргиваешь какой-нибудь толстый корень и думаешь — так тебе и надо, разросся тут на грядке, совсем она не для тебя сделана. Мне даже стало казаться, что сорняки похожи на каких-то зловредных людей, которые везде располагаются, как будто для них всё приготовлено. Когда потом оглянешься на грядку — на душе приятнее, кажется, что капусте легче дышать стало. Нормы выполнять не так-то легко.

2 июля

Вчера Анна Васильевна с таинственным лицом объявила нам, что была в лагере у спартанцев. Все, конечно, стали её расспрашивать. Оказывается, она ходила проведать мальчиков, и там опять был разговор о трудностях жизни. Мальчики решили проявлять на работе волю и закалять характер. Кажется, это придумал Волков. А Коля маленький даже так разошёлся, что предложил сейчас же проявить стойкость и отказаться от ужина. Но его предложение с шумом отвергли.

Анна Васильевна радуется, что никто из нас не заболел после нашего путешествия. Она в этом смысле похожа на мою маму. Тоже боится болезней. Она привезла с собой книжку и показала её нам. Книжка называется «Болезни детей дошкольно-

го возраста». Мы ужасно хохотали. Другой книжки у Анны Васильевны под руками не оказалось, и она взяла эту.

5 июля

Я маме не написала, что у меня сильно ноют и болят руки, я эту строчку зачеркнула. Но про комаров я написала всё-таки. Здесь такие злющие комары, прямо ужас, на нашем участке их особенно много. Пожалуй, не стоило писать про комаров, но тогда бы от письма ничего не осталось, потому что оно и так было короткое. Всё-таки надо было и мне проявить выдержку, но я уже отправила письмо.

10 июля

Бригада мальчиков вышла на прополку гороха. Горох сильно зарос коноплей, здесь раньше было конопляное поле. Конопля зверски колючая и крепко в земле сидит. Волков три дня подряд выполняет норму колхозника, а она гораздо больше школьной.

Я всё-таки права, Юра оказался именно таким человеком, как я думала. Все говорят, что он терпеливее и выносливее многих. Значит, иногда можно быстро составлять мнение о человеке, и оно будет правильным. Вчера, когда мы с Лерой улеглись спать, я целый час убеждала её, что с Волковым стоит дружить. Лера сначала отвечала неохотно, а потом совсем замолчала. Я посмотрела, оказывается, она спит.

16 июля

Мы шли домой лугом, потом лесом и пели. Я думала сначала, что на Урале и лета настоящего нет, и ярких цветов не бывает. А здесь столько цветов и ягод, чернику ребятишки вёдрами приносят, в низинах её сколько угодно. А брусники сколько! И леса красивые, дремучие, то сосняк, то берёза. Мне очень хочется настоящие уральские горы увидеть.

17 июля

Лера говорит, что она вообще сразу не может сдружиться с человеком, должна сначала присмотреться к нему. Но к Волкову она почему-то не присматривается. Он сегодня опять намного перевыполнил школьную норму.

25 июля

Сегодня мы решили перевыполнить норму на покосе. Четвёртая бригада волнуется, Вера Звягинцева то и дело спрашивает у бригадира:

— Ну, сколько они выполнили? Неужели больше нас?

Мы давно бы их обогнали, да нам Лиза Сидорова мешала. Она с первого дня вяло работала, с прохладцей. Ещё и одиннадцати часов нет, а она уже на солнце смотрит:

— Ой, девочки, наверно, уже обедать пора...

Мы её так и прозвали — «Ой, девочки».

Когда мы косить начали, она отличилась. Мы идём в ряд, перед нами большое поле, мы его вымеряли, никак вымерить не могли. Наш участок напоминает треугольник. Лера по перпендикуляру мерила, а Вера Звягинцева уверяла, что надо перемножить все стороны. Хотя они обе отличницы, но разошлись во мнении. В конце концов измерили общими силами. Нам сначала не давали кос, но мы добились. Важно было доказать председателю колхоза, что мы справимся. А Лиза всё время сужает ряд, и тому, кто около неё идёт, приходится за неё забирать. Мы ей показываем:

— Смотри, сколько травы оставила!

— Где оставила? — изумляется Сидорова и делает вид, что мы не правы.

Я рассердилась на неё и решила ей напомнить про её недавние домашние грубости. Может быть, это было злопамятно, но я спросила вслух:

— Лиза, как твоя бабушка поживает?

Лиза притворилась, что не понимает моего намёка. На следующий день она опять плохо работала. Мы хотели Анне Васильевне заявить, но нам случай помог.

Одна колхозница полем шла, с грудным ребёнком на руках. Она поздоровалась с нами как знакомая, а потом села под берёзкой, в тени, ребёнка кормить. Мы успели забыть про неё, далеко ушли, вдруг она нас догоняет. Молодая, славная такая, и мальчишка голубоглазый, головка платочком повязана, как у девочки. Женщина говорит нам нараспев и с ударением на букву «о», как местные колхозники:

— Что ж вы подружке-то не покажете, как косить? Что ж она как неживая работает? Не хочет помощь оказать по военному времени?!

И женщина сердито взяла косу у Лизы из рук и сказала — вот как косят-то!

И показала, как надо косить, ловко и с охотой. Её малыш заплакал. Женщина заторопилась, а нам сказала на прощание — а вы молодцы, стараетесь...

Вдруг мы видим — Лиза плачет, косит и плачет. Слёзы по щекам бегут, она отворачивается, чтобы мы не заметили.

На следующий день Лиза косила лучше всех. Теперь колхозники в нас поверили. Кто мимо не пройдёт, обязательно что-нибудь скажет:

— Вы всё косите? Вот и хорошо...

28 июля

Уже несколько дней чудная погода, жарко и солнечно. Поля выглядят праздничными. Пшеница пожелтела, я теперь понимаю, почему её называют золотой: она под солнцем правда золотая. У меня болят плечи от косьбы, но мы все очень гордимся, что косим.

29 июля

Я когда очень устаю косить, решаю про себя, что я немцев уничтожаю, тогда сразу со злостью начинаешь работать. Только я девочкам не говорю про это, они опять скажут, что я ребячливая.

Больше сегодня писать не могу, обязательно надо заняться починкой и штопкой. Мы ничего не успеваем сделать для себя, взяли с собой самое необходимое, а чинить некогда.

30 июля

Уже несколько дней наша бригада тоже развивает силу воли. Мы дали себе слово на работе не ныть, не объявлять громогласно — ой, у меня болит спина, вообще не сообщать друг другу о своей усталости, если она и есть. В первое время мы довольно часто нарушали это правило, а потом привыкли сдерживаться. Даже Лиза Сидорова отучилась хныкать, скажет по привычке — ой, девочки, а потом спохватится и прибавляет с бодрым видом: ой, девочки, мы сегодня перевыполнили норму, правда? Но по вечерам наша выдержка улетучивается. Вся наша бригада, 15 девочек, помещается в одной комнате. Приходишь с работы усталая, хочется отдохнуть, а у всех разные привычки, и все поневоле мешают друг другу. В особенности Аня Голубева, она всё время что-то напевает про себя, правильное сказать — мычит что-то бессвязное, и один и тот же мотив. А Мая Ткаченко, как только заснёт, сейчас же начинает скрипеть зубами во сне, это никому неинтересно слушать. Лиза Сидорова всех сердит своей рассеянностью, она каждую минуту что-нибудь теряет, то гребёнку, то чулки, то ещё что-нибудь. Засунет гребёнку в вещевой мешок, а потом ищет в самых невероятных местах, под столом или на полу.

В общем, по вечерам начинается недовольство и придирки друг к другу. И вот вчера Вера Звягинцева предложила проявить выдержку не только на работе, но и в вечерние часы. На меня, например, особенно неприятно действует Лиза Сидорова с её вечной суматохой и поисками чулок, но я вынуждена совершенно спокойным голосом урезонивать её — Лиза,

твои чулки в мешке, в другом месте они не могут быть. Иногда поневоле крикнешь на Аню Голубеву:

— Перестанешь ты мычать, наконец, Анька!

И тут же приходится менять тон на более уравновешенный:

— Аня, перестань петь, я тебя прошу...

Все стали больше следить за собой.

Но Мая зубами всё-таки скрипит.

1 августа

Произошло неприятное событие, о котором мне не хочется писать. Вчера утром мы встали, как всегда, в шесть часов. Завтрак у нас ровно от семи до восьми. Столовая близко. Мы шли не торопясь. Утро было безветренное. В городе почти не замечаешь погоды, а здесь она играет важную роль.

Приходим в столовую, смотрим — никто не ест и все волнуются. Зина-повариха громогласно объявляет, что кормить никого не будет, потому что все опоздали. Ребята ей доказывают, что ещё рано. Она всегда добродушная, а тут вдруг официальным тоном заявляет:

— Что хотите со мной делайте, кормить вас не буду. У меня распоряжение есть — после восьми часов не кормить. Опоздали, и ваше дело.

Она уверяет, что часы давным-давно били восемь раз. В колхозе пожарный каждый час бьёт в железную балку: это считается часами.

Тут началось всеобщее возмущение. Михеев громко заявил:

— Мы на совесть работаем, а нас колхоз отказывается кормить. Тогда пошли, ребята. Сегодня на работу не выйдем.

Я Михеева плохо знаю, он в седьмом классе «В», но Волков как-то говорил, что он способный. Я стала Михеева поддерживать и, конечно, вошла в раж. Все вскипалились. И я тоже махала руками и заявляла вместе со всеми: «Обязательно уйдём, не будем голодные работать».

Теперь я поняла: некоторые ребята нарочно разжигали возмущение в себе и в других, чтобы был повод не выйти на работу.

В самый разгар спора возвращается Анна Васильевна. Когда повариха отказалась нас кормить, Анна Васильевна ушла куда-то, а теперь вернулась и громогласно объявила:

— Произошла ошибка, пожарный ошибся.

А он вообще какой-то странный, у наших девочек спрашивает: «Нет ли закурить?» Оказывается, он по ошибке отбил восемь ударов вместо семи. Мы, конечно, торжествуем, с шумом усаживаемся за столы. Зина с недовольным видом сердито принимает нас кормить.

Но этим дело не кончилось. Я сразу заметила, что Анна Васильевна мрачная и вытирает носовым платком очки — это у неё признак недовольства.

Сейчас же после завтрака она в столовой в присутствии поварихи начинает нас отчитывать за то, что мы собирались бросить работу.

— Ну, ребята, где же эта выдержка, о которой было столько разговоров?

Она долго говорила всякие неприятные слова. Я не буду их записывать с подробностями. Никто бы и не ушёл. И главное, она смотрела всё время в мою сторону. И повариха всё время на меня поглядывала с осуждением, а про Михеева никто и не вспомнил. Анна Васильевна права, тут был подходящий слу-

чай проявить выдержку, но так уж вышло. Понятно, досадно. Я решила ещё сильнее за собой следить.

Вечером, в тот же день

Сегодня вообще день окончательно неудачный. Вечером все девочки поругались. Особенно я.

2 августа

О пять я попала в трудное положение. Мы уже целую неделю как собирались просить Анну Васильевну, чтобы она разрешила нам в четверг окончить работу пораньше. Дело в том, что многим ребятам необходимо заняться починкой и штопкой. Никак не успеваем этим заняться. В четверг утром поручили Вере Звягинцевой — все её любят — сказать Анне Васильевне, чтобы она отпустила нас пораньше. Звягинцева слишком долго собиралась с духом. Мы ей и во время завтрака моргали, и за обедом знаки делали, — она никак не могла выбрать подходящую минуту. Наконец-то в поле, когда было уже около четырёх часов, мы потребовали, чтобы она немедленно отправлялась к Анне Васильевне с нашей просьбой.

Вдруг Анна Васильевна сама к нам подходит:

— Ну, как ваши дела?

Мы приподнятым тоном отвечаем, что хорошо, уже три четверти нормы выполнили.

— Молодцы, — одобрила нас Анна Васильевна. Похвалила и вдруг объявляет: — А сейчас перед вами стоит новая боевая задача: надо такими же темпами закончить весь правый угол поля. Ну как, берётесь? — спросила она, глядя на меня. Я попа-

ла в трудное положение. Она, конечно, умышленно именно ко мне обратилась, чтобы дать мне возможность проявить себя после истории в столовой.

Я же не могла начать объяснять Анне Васильевне, что именно сегодня мы сговорились раньше уйти: она бы решила, что я отлыниваю.

— Берёмся, — ответила я.

— Я была уверена, что вы так скажете, — ответила Анна Васильевна и, отойдя от нас, принялась работать, наклонившись над грядкой.

Девочки стояли довольно растерянные. Мы все уж так настроились починкой заняться. Вдруг Мая Ткаченко громко засмеялась. Я в первую минуту подумала, что она меня высмеивает, опять чуть в раж не вошла.

— Чего ты смеёшься? Ничего тут смешного нет, — налетела я на неё.

— Над нашим видом смеюсь, — сказала Майка. — У нас у всех такие лица неестественные, невозможно смотреть! Придётся нам завтра пораньше встать и заняться починкой и штопкой.

И утром мы проявили выдержку, встали на два часа раньше и всё починили и заштопали.

4 августа

Вчера Волков вдруг сказал мне, что я много говорю о себе. А я совсем даже о себе не говорила. Вот никогда хвастуньей не была. Я просто рассказывала девочкам, как я зимой уроки учила в очереди.

— Спасибо за критику, — ехидно ответила я Волкову, — только она не ко мне относится.

— Не злись, — сказал он миролюбиво. — Я и сам часто не замечаю, что много говорю о себе. А ребятам кажется, что это самоуверенность. Я теперь решил с этим покончить.

Между прочим, Лера о чём-то говорила с Волковым. Мне совсем не так уж интересно знать о чём.

6 августа

Большое горе случилось у Веры Звягинцевой. Опишу все, как было. Вчера, на поляне, когда мы у котла сидели, суп ели, мы теперь в поле обедаем, Мая Ткаченко вдруг вскочила с места и стала смотреть вдаль, заслонив ладонью глаза от солнца. Оказалось, вдалеке легковая машина идёт, приближается к нам.

Все стали гадать, к кому машина. Мы вообще здесь от автомашин отвыкли. Все повскакали с мест и смотрят как на диковинку.

— Может быть, к кому-нибудь отец с фронта приехал, — вдруг сказал Юра Волков.

У меня сердце застучало — вдруг это мой отец? Но я напрасно обрадовалась — это был не папа. Я в ту минуту поняла, как хочу видеть его или только бы узнать, что он жив.

Из машины вышел военный, с тремя шпалами, отец Володи Сухаревского. Володя бросился к нему и повис у него на шее, как маленький. Подполковник со всеми ребятами ласково обращался, наверно, понимал, что каждый сейчас своего отца вспоминает. Он недавно с фронта приехал. Мы думали, он к нам в гости, повидать сына. Он попросил Володю:

— Познакомь меня со своими товарищами.

Володька сиял от счастья, суетился. С него сразу вся солидность сошла. Он, по-моему, готов был прыгать от радости. Он знакомил нас с отцом и про каждого говорил что-нибудь вроде рекомендации.

— Ух, она молодчина, — сказал он про Леру, — с её мнением все считаются.

При этих словах Володя взглянул на Волкова. Волков сердито отвернулся. Значит, Юра считается с Лериным мнением? Мне самой иногда так кажется. Я боялась — Володя про меня скажет, что я младенец. Но он мне дал такую характеристику:

— Наташа Иванова, бодрая душа, всегда настроение поддерживает.

Про Юру он сказал, что в душе он хороший парень, только простым глазом его обнаружить нельзя.

Когда Володя про Веру Звягинцеву говорил, что она в четвёртой бригаде лучшая активистка, подполковник Сухаревский пристально на неё посмотрел. Вера как раз весёлая была, потому что в этот день их бригада случайно обогнала нас.

— Ты что всех расписываешь? — налетела она на Володю. — Вот мы сейчас тебя тоже отрекомендуем. — И Вера торжественно объявила: — Владимир Сухаревский — специалист по прополке гороха, работает за двоих, ест за четверых.

Все ребята развеселились. Но подполковник вдруг ушёл в школу, к Анне Васильевне. Володя тоже отправился с отцом, он не хотел с ним расставаться. Но вскоре Володя вернулся, по его лицу можно было понять, что случилось что-то очень тяжёлое.

— Веру Звягинцеву мой отец зовёт, — сказал он. Вера удивилась, спросила, зачем её зовут.

— Не знаю, — сказал Володя и отвёл глаза в сторону.

Вера пошла к школе. Бедная Верка, она не знала, что предстоит ей сейчас услышать.

Володя рассказал нам: у неё отец тяжело ранен, при смерти. Он в Свердловске, в госпитале, зовёт Веру. Сухаревский за ней приехал, он вместе с Вериним отцом на фронте был. Майор Звягинцев тяжело ранен, при смерти. Мы были потрясены этой вестью. Все ребята знают, как Вера любит отца. Матери у неё нет, отец вырастил Веру, ночи около неё просиживал, когда она болела маленькая. Вера всегда говорит: «У меня чудный отец». Другие ребята стесняются своих отцов хвалить, а у Веры это просто выходит. Как она переживёт такое огромное горе...

Вера долго не выходила из школы, а мы не решались туда пойти.

Наконец появилась Анна Васильевна, она сама была расстроена, она хорошо знала Вериного отца, он не раз в школу приходил.

— Вере очень тяжело, — сказала Анна Васильевна, — и она, бедная, ещё не знает, что на выздоровление надежды нет. Скорее соберите её вещи, уложите самое необходимое. Вера вернётся к нам.

Девочки быстро принесли Верино пальто и портфель и положили в машину.

Юля Науменко, подруга Звягинцевой, сказала, волнуясь:

— Скажите ей, там фотографическая карточка её отца, я вложила её в портфель.

Когда Вера шла к машине, глаза у неё были сухие, но какое лицо у неё было, я никогда не забуду. Мы не знали, что сказать ей. Никто не нашёл слов. Вера сама прервала молчание.

— До свиданья, ребята, — сказала она сжатым голосом, нетвёрдо. — Я уезжаю, мой отец тяжело ранен.

Когда Вера уехала, мы места себе не находили. Как нарочно, дождь пошёл, нельзя было на работу выйти. Вечером мы долго сидели в школе без огня, и даже самые разговорчивые девочки и те притихли.

Вдруг открылась дверь и вбежала Зина-повариха.

— Уехала наша Верочка? — спросила она. — Что же вы мне-то не сказали?

Опустившись на лавку, Зина громко, в голос, заплакала.

— Может быть, Верин отец ещё поправится, — сказала одна из девочек.

Зина долго не могла успокоиться.

— Я по брату плачу... У меня брата убили в финскую. Он моряком был.

Мы все сидели молча. Потом Юля Науменко спросила:

— Мы пойдём встречать Веру?

Все решили, что обязательно пойдём. Встанем ночью и до работы пойдём на станцию.

Теперь мы ждём, когда Вера вернётся.

8 августа

Я привыкла к колхозу, к деревенской жизни, и мне кажется, что всегда я вставала на заре, уходила с девочками в поле, вязала пшеницу, соревновалась с четвёртой бригадой. Уже решено — мы остаёмся здесь ещё на месяц. Вчера я написала об этом маме. Раньше я никогда не уезжала из дома так надолго, но теперь другое дело. Не знаю, как это лучше высказать, но, по-моему, трудная работа сейчас необходима каждому, она приобщает нас к войне. Я сказала об этом Лере. Она сразу поняла.

— Знаешь, Наташа, — одобрила она, — это хорошо, что у тебя теперь бывают серьёзные мысли. Как будто у меня их раньше не было!

14 августа

Сегодня я в первый раз выполнила две нормы. Вот теперь было бы о чём рассказать Нюре Глушковой.

16 августа

Я в колхозе убедилась, что Лера относится ко мне не как к подруге, а скорее как к младшей сестре. По-моему, дружить — значит ничего не скрывать друг от друга, советоваться обо всём. А у нас с Лерой так: обычно говорю я, Лера слушает. О себе она рассказывает слишком мало. И поступает всегда чересчур самостоятельно, как будто меня и на свете нет. Вчера совсем случайно я узнала самые важные Лерины планы, а если бы не этот случай, она мне не сказала бы ничего...

Вчера, в воскресенье, Лера ушла в деревню, не предупредив меня. Я ждала её, у ребят спрашивала, потом отправилась её искать. Издали я увидела — за колодцем на лужайке собрались деревенские ребяташки, почти одни малыши. Кто-то играет с ними, высокая девочка в синем платье. Я не сразу узнала Леру. Она водила хоровод и громко пела: «Летели две птички, ростом невелички, как они летели, сели посидели...» И все малыши присаживались на корточки.

Мне вспомнилась, как в Москве, до войны, на каждом бульваре ребята пели и плясали в кругу. Я сама ещё недавно увлекалась массовыми играми.

— Ты за мной? Случилось что-нибудь? — увидела меня Лера.

— Нет, ничего... Почему ты не сказала мне, что пойдёшь с ребятами играть, я могла бы помочь тебе.

— Ну вот ещё, помогать... — засмеялась Лера. — У меня и так здесь сколько хочешь помощников.

Когда мы шли домой, я просто так, в шутку, поддразнила Леру, что про неё сказано: «Дедушка, найди мне беленький грибок! Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».

— Очень к тебе подходит, — пошутила я, — всегда вокруг тебя малыши, вечно ты с ними возишься.

— А по-твоему, это лишнее? — обиделась Лера. По её голосу сразу можно было понять, что я задела важную для неё тему. Она прибавила, помолчав: — Столько ребят осталось без родителей, кто-то должен воспитывать их... Окончу школу, пойду работать в детский сад.

Оказывается, Лера ещё зимой приняла такое решение и ничего мне не сказала.

— Почему же ты никогда не говорила со мной об этом? И как же твои стихи? Нет, я не могла бы всю жизнь возиться с ребяташками.

— Ну и не возись, пожалуйста! — рассердилась она.

Лера очень убеждённый человек. Я бы, наверно, не могла быть такой, если бы даже старалась. Одно мне досадно — подруга, а такая скрытная.

22 августа

Я ещё не описывала, что мы переселились в избы. В школе скоро начинаются занятия у младших классов, и нас разместили по домам. Мы втроём, Лера, я и Мая Ткаченко, живём у хороших хозяев. Нас предупредили: Василий Тимофеевич — культурный, к ним газета приходит.

Наш хозяин — бывший солдат, теперь он сильно пожилой. Жена его называет «отцом», а Люба, по-моему, побаивается его. Люба — их невестка, жена их сына. Теперь я в этом разбираюсь, раньше я всегда путала золовку, невестку и свекровь. Сын у них на фронте, на Воронежском направлении. Недавно он прислал письмо, его три дня подряд вслух читали. Я наизусть это письмо выучила. Сын у них почтительный, сначала к родителям обращается, а потом уж к Любе.

Люба красивая... Характером она мне Леру напоминает, тоже молчаливая, её только и можно услышать, когда она сына, Славку, качает. Славке семь месяцев, и он ужасный крикун.

Я в первый раз проснулась в избе — ничего не понимаю, лежу на печке, в углу на стене иконы, передо мной люлька качается: вверх-вниз, вверх-вниз... Люлька у них технически оснащённая, на пружине, внизу петля для ноги. Люба вечером вяжет и одновременно люльку качает.

Сегодня к Любе подруга приходила, она бригадир, и её, как видно, уважают. Всю работу в колхозе проводят женщины. Я написала об этом маме.

Старуха общительнее Любы, она нам про своего сына рассказывала, как он до самой женитьбы дома жил, как его за маленького считали.

Хозяйка особенно Майю жалеет, потому что у неё родные остались в Ростове. Она два раза её молоком угощала. В школе за Майей установилась репутация жадной, я этого не нахожу.

24 августа

Приехала Вера Звягинцева. Мы ходили встречать её, как сговорились. Я встала ночью, было холодно, а может быть, от волнения я никак не могла согреться. Должны были идти на станцию девочки из четвёртой бригады. Мы с Лерой решили присоединиться к ним. Я вышла на улицу, в темноте какие-то тени двигаются — все ребята на ногах, все хотят встречать Звягинцеву.

— Все пойдём? — с недоумением спросила Юля Науменко. Она особенно волновалась. Я заметила это ещё с вечера.

Анна Васильевна тоже пошла с нами. Все ждали Веру, каждый понимал, что надо облегчить ей горе.

Пятнадцатого августа её отец умер в госпитале.

Надо облегчить горе, но как это сделать? Я старалась представить себе — приближается поезд, Вера выходит из вагона. Мы говорим ей:

— Здравствуй... Здравствуй, Верочка...

Больше я ничего не могла придумать, никаких слов, хотя мне очень хотелось сказать ей что-нибудь хорошее.

Мы шли широким полем, стало рассветать, и я думала о том, что вот столько горя у людей, а природа такая спокойная, птицы поют.

Мы шли молча. Не хотелось нарушать тишины. Только Волков о чём-то негромко говорил с Лерой.

Они уже два раза разговаривали, Лера не сочла необходимым рассказать мне об этом. И сейчас они говорили миролюбиво, без всяких колкостей. Ну что ж, я вовсе не такая любопытная.

— Ребята! — вдруг басом рявкнул Коля маленький. Он так вытянулся в колхозе, просто ужас. Назовёшь его маленьким — откликается взрослый дядя.

— Ребята, помните, как мы шли здесь, когда приехали на работу? Шагали вперёд, к неизвестному, под проливным дождём...

Я тоже вспомнила, какие мы тогда были городские, неопытные. Я вдруг решила спросить Анну Васильевну:

— Теперь уже можно судить? Выдержали мы наши жизненные испытания?

— Пожалуй, выдержали, — сказала она, подумав.

Её долгое молчание показалось ребятам несправедливым, все заговорили хором:

— Почему же «пожалуй»? Разве мы плохо работали?

— Кажется, мы не ныли, — сказала Лиза Сидорова, забыв, что именно она ныла больше всех.

В душе никому не хотелось соглашаться с тем, что мы мало сделали. Например, про нашу бригаду все в один голос говорят хорошее: на вязке снопов мы регулярно даём по две нормы в день. У меня 30 трудодней, а у Леры 42 записано в книжку. Никто не скажет, что это легко.

Анна Васильевна сжалилась над нами:

— Сдали, сдали испытания, — с одобрением глядя на наших передовиков, на Леру, Юру Сухаревского, сказала она, — но, конечно, мы могли лучше работать.

Понятно, почему она так говорит. Это из педагогических целей.

Мы подошли к станции, все снова заволновались — сейчас мы увидим Веру... Изменилась ли она? Наверно, ей очень тяжело. Показался вдали поезд, все примолкли. Юля Шумейко призналась:

— Боюсь, что заплачу, когда увижу её. — И добавила, оправдываясь: — Но я, конечно, сдержусь.

Подошёл поезд, тихая станция сразу зашумела. Из вагона вышли ребята, масса ребят, целая школа ВВС. В пилотках с голубыми петлицами на шинелях, они заняли всю платформу. Я сначала подумала, что это лётчики, но им ещё далеко до лётчиков, они такие же восьмиклассники, как мы, только из спецшколы. Они приехали в соседний колхоз, самый неблагополучный в нашем районе. Там с уборкой опаздывают. Спецшкольники помогут. Вера вышла из третьего вагона. Она не сразу увидела нас. С небольшим походным мешком за плечами, она стояла в стороне и показалась мне очень одинокой.

— Вера! — окликнули её девочки. — Верочка! Она удивилась:

— Ребята, вы здесь?

Все окружили её:

— Мы тебя встречать. Ну, как ты, Верочка?

— Вы пришли... Я не думала, что вы придёте, вам ведь надо на работу... — тихо повторила Вера. — Юля Науменко тоже здесь?

— Я здесь, — откликнулась Юля.

Мы пропустили её вперёд, она порывисто бросилась к Звягинцевой и обняла её. Я испугалась, что Юлька расплачется. Я сама еле сдерживалась: Вера была такая измученная, грустная.

25 августа

Никто не заговаривает о Верином отце. Мне хочется спросить, был ли он в сознании, когда Вера приехала, но все обходят эту тему, и я тоже боюсь расстроить Веру.

28 августа

Теперь я определённо знаю, что ничего нет на свете лучше дружбы. У моей мамы сохранился старый гимназический альбом с голубыми листочками. Тогда девочки были довольно сентиментальными и писали друг другу стихи в альбом. Мне запомнились четыре строчки, я не знаю, какого они автора, но они верные, по-моему.

«Не шумной беседой друзья познаются,
Они познаются бедой,
Коль горе нагрянет и слёзы польются,
Тот друг, кто заплачет с тобой».

Мы не плакали вместе с Верой, это же не в буквальном смысле сказано, но когда грянуло горе, все ребята показали себя как хорошие друзья. Даже Новиков и тот перестал занимать всех собой. Правда, у Веры всегда было много товарищей. Я, когда ещё только поступила в свердловскую школу, обратила внимание, что вокруг Звягинцевой всегда народ. И домой они ходили все вместе, компанией. Я ей завидовала, никого не знала в классе и думала, что ни с кем не подружусь. Не совсем так вышло, но с дружбой мне не повезло...

Я ничего не имею против, что Лера дружит с Волковым. Я сама этого хотела, но не так получается, как я ожидала. Раньше Лера совсем Волкова не признавала, и мне же приходилось ей доказывать, что он ценный человек, хотя на вид эгоист. Первое время она и в колхозе думала, что Юра сгоряча хорошо работает, а потом остынет.

Теперь Лера убедилась, что у него развязность напускная, а на самом деле он «настоящий», как она говорит. Она даже Юрины словечки стала теперь произносить, вчера вдруг говорит мне:

— Всё-таки мировые у вас ребята в бригаде, правда?

Я просто ушам своим не поверила.

— Какие-какие у нас ребята?

— Мировые, — смеётся Лера.

— Узнаю влияние твоего нового друга, — ехидно сказала я.

— Знаешь, Наташа, — не стала спорить Лера, — я давно хочу тебе сказать: Волков действительно умный, с ним интересно разговаривать, мы с ним во многом согласны. Он очень патриотически настроен.

Не знаю, что со мной случилось, но я не вытерпела. Сказала всё, что у меня на душе было:

— Ну, конечно, вы оба умные, взрослые, вы патриоты, а со мной вам неинтересно, у меня серьёзные мысли раз в год бывают, по-твоему.

Я в раж вошла и всё выложила:

— Думаешь, я не замечаю, что ты со мной как с младшей обращаешься. С Волковым целый час вчера говорила о позиции Англии, а мне даже не рассказала, какую сводку ты в сельсовете слушала.

Лерка вдруг расчувствовалась:

— Наташенька, чудак ты мой, я же тебя люблю!

— Я свою сестру Маринку тоже люблю, однако она мне не подруга. Почему ты мне ни слова не сказала, что решила в детском саду работать? Думаешь, я беспечная, ничего не понимаю?

Лера стала меня убеждать, что это у меня мнительность, самовнушение, что никто не считает меня беспечной и что я хорошо работаю...

Нет, всё-таки они оба умнее меня, а я никак не могу взрослой стать.

30 августа

Давно я не видела маму. Маринка, наверно, сильно выросла. Теперь я поняла, что значит семья, дом. Все ребята сильно соскучились по дому, даже самые развязные парни. А Новиков сказал недавно:

— Эх, зачем я, дурак, дома с матерью спорил!

Как только приеду, обязательно пойду с Мариной в зоологический сад.

1 сентября

У нас неожиданное событие. Мы пришли утром в поле, на берёзке висит какой-то разрисованный лист. Вера Звягинцева первая заметила. Мы подошли — газета-молния: «За боевой урожай». Ответственный редактор Ю. Волков. На первой колонке Лерины стихи. Подписано Л. К. Стихи хорошие, мне конец понравился:

Мы в школу вернёмся с уральских полей,
Мы скоро покинем колхоз,

И будет на сердце тому веселей,
Кто родине пользу принёс.

Значит, Лера решилась поместить свои стихи в газету. Но теперь я ничему не удивляюсь, это, конечно, влияние Волкова. Володя Сухаревский поместил очень интересную статью «Ответ Борису Фоминых». Он пишет, что мы тоже столкнулись с настоящими трудностями, но что никакие невзгоды не страшны нам, пусть Борис Фоминых верит в нас — мы не уроним честь нашей школы. Лиза Сидорова даже переписала эту статью и хочет послать её бабушке. Она сначала боялась подойти к газете, думала, на неё карикатура нарисована, а её похвалили. Вообще, газета справедливая, попало тем, кому следует: Михееву, Коростылёву, но они все не из нашего класса. На Анну Васильевну дружескую карикатуру нарисовали, это всё-таки довольно смело. Она изображена так: у неё в одной руке коса, в другой огромный градусник, подпись такая: «Косите, ребята, только не заболейте!» Она не рассердилась, она понимает смешное. Но я бы не решилась над ней подшучивать, она иногда так поставит на место, что прямо ужас.

Волков спросил меня вечером:

— А ты, Наташа, одобряешь газету?

— Конечно, одобряю, — сказала я. — Это ты уговорил Леру дать свои стихи?

— Нет, она сама захотела, — сказал Юра.

4 сентября

Зарядил осенний, мелкий, промозглый дождик, он так и прилипает к телу, сырость обхватывает тебя всю. Мы теперь на картошке работаем. Игорь Чернов толком не умеет пахать, плуг плохо берёт, и приходится выкапывать картошку палками. Целый день копаемся в мокрой земле, руки покрываются коркой грязи, но мы всё-таки перевыполняем нормы. Картошка здесь крупная, несёшь ведро — одна к одной лежит, приятно смотреть.

Там, где стоит красная берёзка, конец нашего картофельного поля. Я люблю эту берёзку, ни одного жёлтого листика на ней, она вся огненно-красная среди жёлтого леса. За берёзкой начинаются поля соседнего колхоза, он отстаёт в соревновании, до сих пор хлеб ещё лежит на полях. Я видела, как там спецшкольники работают. Они скошенную рожь собирают в валки, то есть в ряды, а потом накладывают копну. Вилы здесь не такие, как я себе представляла, они очень громоздкие, целиком деревянные, с разветвлением, похожим на олени рога. Три огромных рога, а сами вилы в рост человека. Один курсант набирает вилами громадную копну, поднимает её и несёт над головой, а другой подгребает граблями всю оставшуюся рожь. У них норма 12 копен в день.

У Волкова в спецшколе оказался знакомый курсант, и теперь мы многое знаем про них. Они все комсомольцы, у них железная дисциплина. Юра шёл с этим курсантом по деревне и о чём-то громко ему говорил. Вдруг курсант поморщился:

— Не кричи так громко, ещё подумают, что это я.

Волков рассказал об этом Лере, а она мне. Их дружба продолжается. Я бы могла, конечно, напомнить Юре, что он предлагал нам триумvirат. Но у каждого человека должно быть самолюбие.

6 сентября

Сейчас ещё рано, девочки спят, а меня разбудил Славка. Люба укачивает его, люлька взлетает чуть не к потолку. Странно подумать, наверно, если бы не война, я никогда бы не попала в эту уральскую деревню и не знала бы, что на свете есть молчаливая Люба, хозяин Василий Тимофеевич, читающий по вечерам вслух газету, общительная хозяйка. Я привыкла теперь к уральскому говору, а первое время удивлялась. Тут говорят — поло́жить вместо положи́ть, ну́жен вместо ну́жен... Я теперь знаю все дела наших хозяев. Вчера у нас тут обида была. Люба написала письмо мужу — «мамаша кричит на Славку, как на взрослого». А старуха узнала и разобиделась. Люба не хотела мамашу обижать, ей даже лестным показалось, что старуха семимесячного Славку как взрослого ругает. Она, когда рассердится, кричит на него: «Вот погоди, я тебе уши-то надеру!» А у Славки и ушей почти нет, такие они крохотные.

В общем, Майка уговорила Любу зачеркнуть эту строчку в письме.

Надо будить девочек, уже совсем светло.

11 сентября

Теперь я понимаю, почему Лера дружит с Волковым. Они оба убеждённые люди, с сильными характерами, оба знают, чего хотят. Лера решилась воспитывать детей, пострадавших на войне, Волков тоже, оказывается, уже давно обдумал своё будущее. А я до сих пор не знаю, кем я буду, много раз меняла свои решения.

Вчера Лера и Волков позвали меня, когда мы шли на работу. Наконец-то Лера заметила, что я второй день её сторонюсь.

— Ты куда-то стала исчезать, Наташа, — сказала Лера, — пойдём с нами вместе.

До картофельного поля три километра, но я и не заметила, как мы дошли. Юра говорил о профессии лётчика. Он решил стать истребителем, хочет, как только мы вернёмся в Свердловск, перейти в спецшколу. Лера одобряет его решение. Волков рассказывал о случаях тарана. Его увлекает момент, когда нет чувства страха смерти, а есть одно желание — врезаться во врага, пробить его корпусом своего самолёта, почувствовать удар и знать, что вражеская машина разваливается позади тебя. Такое смелое лицо было у Юры в эту минуту.

Оказывается, ещё мальчишкой, полтора года назад, он устраивал сражения на велосипедах, у него большой стаж в этом деле, сам придумал такую игру: два велосипеда на большой скорости идут рядом, нужно улучшить момент, вырваться вперёд и перерезать противнику дорогу, ударить задним колесом в переднее колесо машины и сбить его с велосипеда, чтоб он шмякнулся о землю. Юра так и сказал: «шмякнулся». Я засмеялась, но он не заметил.

— Обе ноги у тебя на педалях, руки на руле, — рассказывал Юра, — ты весь напряжён, сейчас врежешься в противника. Ты сам при ударе чуть не падаешь, вся твоя машина сотрясается.

— А велосипед ты не ломал? — спросила я нечаянно.

— Не ломал, — сердито ответил Юра.

Я своим вопросом ему всё настроение перебила.

Всегда я что-нибудь скажу некстати.

17 сентября

Нет, Лера всё-таки мой большой друг, теперь я в этом убедилась. Она так обрадовалась вчера, когда мне вписали в книжку целых 25 трудодней. Я сама от себя не ожидала таких результатов. Волков меня тоже поздравил, но Лера так была рада, что даже ночью во сне объявила на всю избу:

— Молодец! Честное слово, молодец!

Я растолкала её и спрашиваю:

— Кто молодец?

Она отвечает полусонным голосом:

— Ну что вы спрашиваете? Молодец Наташа Иванова.

18 сентября

Уже решено — скоро мы вернёмся в Свердловск, первого октября начинаются занятия в старших классах. Увижу маму, Маринку, прочитаю сама все папины письма.

Только одна Вера Звягинцева не хочет возвращаться в город. Я её понимаю, здесь ей легче, потому что на работе вообще всё забываешь. Я сегодня так работала, что почти не ощущала себя. Председатель колхоза говорит, что мы вполне оправдали доверие. А Василий Тимофеевич собирается про нас в газету писать. Я бы тогда показала эту газету Нюре Глушковой. Самой как-то неудобно о себе рассказывать.

Меня удивляет — я видела Нюру Глушкову всего три раза, но привыкла часто думать о ней. Мне хочется, чтобы она узнала о нашей работе, по-моему, это не хвастовство. Я несколько раз представляла себе, как приду к Глушковым, и даже придумала все подробности. Я вхожу, дверь мне открывает Нюра. Смотрит на меня удивлённо, я ведь очень выросла и окрепла в колхозе.

— Здравствуй! Ты меня не узнаёшь? — говорю я. — Мы были в колхозе, капусту пололи, потом косили, снопы вязали, на картошке работали. Косить, пожалуй, лучше всего — хотя трудно. В первые дни поясница болит, не разогнёшься. А твои дела как?

— Слышишь, мама, — обращается Нюра к матери, — они в колхозе работали и косили даже.

— Да, — говорю я, — школьники большую пользу принесли государству. Помнишь моих товарищей, Леру и Волкова? Они всё время перевыполняли план. Ты была о них плохого мнения, но по одному поступку нельзя судить о человеке.

— Ну, конечно, — отвечает Нюра.

Дальше я не придумала пока.

24 сентября

Я без конца перечитываю мамино письмо и всё ещё не могу прийти в себя. Повторяю вслух: мы едем в Москву, мы едем в Москву, и всё ещё не верю! Весь наркомат возвращается, и маме разрешили взять с собой детей. Она так и пишет. Для такого случая я согласна считаться ребёнком!

Мы едем в Москву! Опять увижу московские улицы, Красную площадь! Войду в наш дом, побегу в школу. Не успокоюсь, пока везде не побываю. Сяду в метро и буду вылезать на каждой станции. Я помню, когда я была маленькая, мы с мамой откуда-то приехали, и я громко кричала, когда мы сошли с поезда:

— Здравствуй, миленькая Москва!

А теперь как я ей обрадуюсь... Только вот придётся расстаться с Лерой, с ребятами. Я пока ещё никому ничего не сказала.

25 сентября

Сегодня Славка не кричал ночью, и Мая не скрипела зубами, в избе было тихо, но я всё равно не спала. Лежала на печке рядом с Лерой и думала о том, что скоро мы с ней расстанемся... Увидимся ли когда-нибудь?.. Мне со всеми ребятами жалко расставаться, даже с Лизой Сидоровой. Помню, как я приехала, как вошла в класс и села за парту с Лерой Кондратьевой. Почти целый год я прожила на Урале. Здесь узнала жизненные трудности. Здесь научилась работать по-настоящему. Всю ночь я не могла заснуть и пробовала сочинять стихи:

Ты, Урал суровый,
Приютил меня,
Большое тебе спасибо
За это навсегда.
Здесь я друзей узнала,
Здесь полюбила труд,
Быть полезной родине
Я научилась тут...

Дальше у меня не вышло, но я совсем разволновалась и разбудила Леру:

— Лера, проснись, мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

Лера сразу проснулась, и мы с ней шёпотом говорили всю ночь.

Мне очень хочется в Москву, но, может быть, наркомат ещё немножко задержится.

СОДЕРЖАНИЕ

14 декабря 1941 года	5	21 июня	43
17 декабря	7	26 июня	43
20 декабря	8	1 июля	48
20 декабря, вечером	9	2 июля	48
21 декабря	10	5 июля	49
27 декабря	11	10 июля.....	49
29 декабря	12	16 июля.....	50
2 января 1942 года	13	17 июля.....	50
3 января	13	25 июля.....	50
6 января	15	28 июля.....	52
7 января	17	29 июля.....	52
14 января	18	30 июля	53
16 января	19	1 августа.....	54
22 января	19	Вечером, в тот же день....	56
25 января	22	2 августа.....	56
28 января	22	4 августа.....	57
3 февраля.....	24	6 августа.....	58
6 февраля.....	25	8 августа.....	61
16 февраля.....	26	14 августа	62
2 марта	28	16 августа	62
10 марта.....	32	22 августа	64
20 марта.....	32	24 августа	65
28 марта.....	33	25 августа	68
5 апреля	34	28 августа	68
20 апреля.....	35	30 августа	70
8 мая	35	1 сентября.....	70
15 мая	36	4 сентября.....	72
6 июня	37	6 сентября.....	73
5 июня	39	11 сентября.....	74
9 июня	40	17 сентября.....	75
13 июня	41	18 сентября.....	75
20 июня	42	24 сентября.....	77
20 июня, вечером.....	42	25 сентября.....	77

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа

Для среднего школьного возраста
мектеп жасындағы кіші балаларға арналған

КНИГИ — МОИ ДРУЗЬЯ

Барто Агния Львовна
ДНЕВНИК НАТАШИ ИВАНОВОЙ
(орыс тілінде)

В оформлении переплета использована иллюстрация *Антолия Воробьева*

Ответственный редактор *В. Карпова*
Художественный редактор *И. Лапин*
Технический редактор *О. Кистерская*
Корректор *Н. Яснева*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Тәуел белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша
арыз-талымдарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 61 58 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

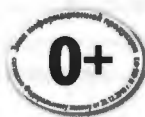
Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>.

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 20.02.2017. Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура «TextBook».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0.
Доп. тираж 6000 экз. Заказ № 7955/17.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ЕАС

**Всем хорошим во мне
я обязан книгам.**

М. Горький

Чтение – вот лучшее учение

А. С. Пушкин

ISBN 978-5-699-82484-7

www.facebook.com/eksmodetstvo

